

№ 21 НОЯБРЬ 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

1968
ВЛКСМ
1968

Открытие слета на площади имени Ленинского комсомола.

Гость слета — бывший командир гвардейского крейсера «Красный Кавказ», контр-адмирал А. М. Буцин и красные следопыты Наташа Фильчик, Саша Пугач.

СЫНОВНЯЯ
ВЕРНОСТЬ

Н. ЛЕЛИКОВ
Фото В. САККА

В сентябре в Киеве проходил IV Всесоюзный слет участников похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, посвященный 50-летию

ВЛКСМ. Пять дней в столице Украины продолжалась встреча молодежи. Каждый из этих дней был и праздничным и рабочим. Готовясь к слету, армия следопытов собрала немало волнующие свидетельства героической истории ВЛКСМ, обогатила летопись Коммунистического Союза Молодежи — верного помощника ленинской партии. У этого патристического движения уже своя история, свои традиции. Вспомним: старт Всесоюзному походу был дан по инициативе ЦК ВЛКСМ весной 1965 года, в канун празднования 20-летия победы советского народа над фашизмом. С первого же дня Центральный штаб похода возглавил прославленный советский военачальник Маршал Советского Союза Иван Степанович Конева. С той весной Всесоюзный поход не прерывался ни на один день, и с каждым днем множится ряды его участников.

Самый главный итог участия молодежи во Всесоюзном походе — это повышение общественной, политической активности советских юношей и девушек. Поход вдохнул новый энтузиазм и высокую революционную ро-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 21 1963

НОЯБРЬ 1963

минуту в жизнь и деятельность всего Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

О некоторых примечательных событиях слета рассказывается в этом репортаже.

С утра 5 сентября в лагере слета началась эстафета по военно-прикладным видам. Трассу разбили на 10 этапов. Почти каждый из них усложнен препятствиями. Эстафетную палочку заменяет рюкзак...

На каждом из этапов команду представляет несколько человек. Для успеха недостаточно индивидуального мастерства. К победе ведут дружба, чувство полка товарища.

Стартовая команда попарно. Первое задание — собрать и установить палатку. Затем бег, стрельба пятью выстрелами по пяти шарам. Снова бег — уже в противогазах. С утра сильный ветер колебал шарты. Стрелки замигают, ловят момент. Бесполозно. И пути нету мимо. Но вот пригрозил солнце, стало теплее. Туда, куда вышел на старт полке, бьются триггер — так погода восстановила справедливость...

Новарный четвертый этап: пятьдесят метров по-пластунски, затем метание гранат. Участвуют по три человека от команды. Трасса идет с уклоном вниз. Все ползут быстро. Затем подъем, метров двадцать. Здесь мигают и затеивают снэг поворот стемпительный старт. Один из участников команды Армении не выдерживает, приподнимается на руках.

— Иже, иже! — кричит судья. Пятый этап — попося препятствия: выбравшая в каменной стене, двухметровый барьер, десятиколенный лабиринт. Здесь главное — палочку товарищу, у которого рюкзак...

Шестой, седьмой и восьмой этапы — кросс. Седьмой — наиболее сложный: полтора километра с ориентированием на местности.

Десятый и десятый этапы объединены. Задание — оказать первую медицинскую помощь пострадавшему и вынести его из очага «опорознения». Участникам тапнут консервы с билетам. В них характер «травмы».

Первое место в эстафете заняла команда Белоруссии, у них почти на бег штарфных очков. Дальше — «Центр-1» (Московская и прилегающие области), Украина.

Награждение победителей провели торжественно и быстро: завтра у операция очень напряженный день — операция «Малый Днепр», всензвизванная игра...

— Тревога!

«Исползуз атомное оружие и другие мощные средства обороны, противник пытается во что бы то ни стало остановить наступление наших войск... Приказываю сорвать его замыслы. Справиться с разницей наступление, с ходу форсировать реку и гнать противника дальше на юг.

Так началась операция «Малый Днепр». Ромно год назад под Киевом завершили битву «Большого Днепра» — крупнейшие учения Советской Армии. Следы битвы поднятия предстоит повторить все это в минюре. Задание не из легких.

Автобусы домчали 1 600 участников слета в Остер. Громадный багровый диск только поднимается над полем, переполненным взрывами и гудением танков.

— Спешиться!

«Противник» подготовил глубокую, сильно укрепленную попося оборону. Десять батальонов бросаются вперед. Марш-бросок не просто атака, но и соревнование. Впереди млиное поле, проволочные заграждения, стометровая завеса артиллерийского огня.

За Десной, над крупным опорным пунктом «противника», поднимается «явловый гриб». Он вырастает внезапно и гигантской шляпкой виртуально по безоблачному небу. Артиллерия, самолеты начинают обработку противоложского берега.

Тяжелые вертолеты «Ми-6» приземляются на заблаженное поле. Воздушный десант, в составе которого победителю марш-броска — украинский батальон, занимает плацдарм в глубине обороны «противника». Танки вымрулили из стога сена, плюхнулись в реку и скрылись под водой. Через несколько минут они вылозуют на «украинский» берег. Быстро наводятся понтонная переправа. Вот уже вступили на нее основные силы. Вместе с танками с танками же автоматами в руках вперед бросаются участники слета. Еще несколько минут — и «араг» дрогнет, победит. Девянди Герой Советского Союза генерал-полковник А. И. Родимцев и выносок следит за движением танков. Интересно, какое впечатление производит на полковника «Малый Днепр»!

— Сегодняшний день, — говорит герой Сталинграда, — и взволновал и обрадовал меня, старого служаку. Хорошо брани ребята спиноне препятствия. Для этого нужны и храбрость, и ловкость, и сильные мускулы. Участники операции лучше поймут, каковы качествами должен обладать советский воин.

Первым пришел на финиш батальон украинский следпоходов. Алла Бабич из Киевского профессионально-технического училища радиозвонителем переподат дыхание.

— Трудно было. Песок, ноги вздут — устать. А тут еще сразу же надо отыскивать мины. Молодцы наши ребята, рыцари. В самый трудный момент всегда приходили на помощь...

Крещатики и прилегающие к нему улицы в традиционном убранстве. Транспаранты, пламя, лозунги. Ветер колыхает знамена пятнадцати братских республик, установленные у памятника В. И. Ленину. Рядом замирает в почетном карауле юноши и девушки в национальных костюмах — делегаты слета.

Звучат возгласы: — Слушайте все!

Вперед колонны знаменосцы, мажет ордена Красного Знамени. Буденнов, бесюзирки, комиванки... Летят над Крещатикум слова:

Шли на бой отряды добровольцев, Шли на шажки приполю звезду. Там рождальное племия комсомольцев В грозном восемнадцатом году.

Новая колонна молодежи. Макет ордена Трудового Красного Знамени. За ним штарфаты, амунируры, стрелки, трактористы — молодежная гвардия первых атлетов.

Этап за этапом проходит история пяти орденов, украшающих знамя Ленинского комсомола.

К палатнику подходит воспитанник профтехучилища, студента, рабочий, колхозница, воин. Взапноювно звучит их голоса. Дорогому Милуе млнут в синююй ворности молодые современники.

Весь путь, все дела и свершения комсомола неразрывно связаны с именем Ленина. Группа юнойей и девушек в национальных костюмах народов СССР поднимает высоко над головами венчик из живых цветов и несет его и бронетранспортеру. Этот венчик был доставлен в Москву и возложен к Мавзолею В. И. Ленина как символ безграничной любви и привязанности комсомола великому человеку, имя которого он носит.

Алексей Стаханов еще покажет, как нужно работать!

Знамя слета — в первом ряду участники марш-броска.

Трудовой десант.

Все дороги ведут к Десне. Здесь проходила военизированная игра «Малый Днепр».

С первых дней своего существования комсомол выступил как активная революционная, созидательная сила советского общества, школа подготовки убежденных борцов за дело коммунизма, занял важное место во всей политической, хозяйственной и культурной жизни страны.

(Из постановления ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи»)

Знать, узнать, победить!

ОТ ЮБИЛЕА КОМСОМОЛА К ЮБИЛЕЮ ИЛЬИЧА

В канун пятидесятилетнего юбилея наши корреспонденты Е. БРЫЛОВ и А. ФРОЛОВ обратились к группе комсомольских активистов с просьбой рассказать о том, какими успехами отличилась пятидесятилетняя ВЛКСМ и организации как преобразуют они в жизнь новое постановление ЦК КПСС, ставшее для комсомола программой работы на завтра.

Сегодня на вопросы корреспондентов «Смены» отвечает Юрий БУРАКОВ, Александр КОСТАНТИНОВ, Вячеслав СОЛОДКИЙ, Владимир ШИТОВ.

Юрий БУРАКОВ,
первый секретарь Архангельского
обкома ВЛКСМ

— Не просто оценить работу огромного комсомольского коллектива области. Не просто в том смысле, что, как бы ни хотел, все равно не учесть многого, хотя и не броски, но тем не менее весьма важных комсомольских дел. Для беседы легче оперировать единичными фактами и обобщать. С факта и начну.

За последние годы Архангельская областная организация выросла на тридцать тысяч человек. Но арифметика арифметикой. Давайте подумаем: чем вызван такой приток молодежи в комсомол?

В рамках организации молодой человек находитс ближе к конкретному делу, к которому он, безусловно, всегда тяготеет. Здесь, в комсомоле, он удовлетворяет свою человеческую потребность работать коллективно, сообща. И, разумеется, испытывает на себе влияние коллектива, проходя школу политики, школу хозяйствования. Процесс естественный: чем серьезней, интересней и плодотворней работа той или иной организации, чем больше возможностей открывает она для человеческого роста, для делового, конкретного участия каждого в общих делах, тем привлекательнее такая организация для молодежи. В этом, пожалуй, секрет роста комсомольских рядов.

Мы не декларируем, говоря ребятам, что наши лозунги — быть там, где нужно, и жить судьбами и задачами страны. Посмотрите, в юбилейном году наши студенческие отряды, которые работали в суровых условиях лесных строив, на селе, освоили два миллиона рублей. В этом году три тысячи комсомольцев стали рационализаторами. Пять тысяч человек и шестсот комсомольско-молодежных коллективов досрочно выполнили свои обязательства.

Мы, доверяя ребятам, требуем от них неукоснительного выполнения любой работы, взыскания строго. Поддерживая инициативу, всеми силами стараемся провести ее в жизнь. Наш рабочий воспитательный инструмент — яркий пример, огласка.

Наверное, вы знаете о практике трудовых походов. Мы организовывали лимные походы Архангельска — Ломоносов — Москва, Архангельск — Сыктывкар, мотопробы Архангельск — Воронеж — Львов, экспедицию «Советская Арктика» — от Архангельска до мыса Дежнева. — Разумеется, а эти мероприятия не могли участвовать тысячи комсомольцев. Но для них трудные походы их товарищам при самой широкой огласке черта нежить, — необходимый пример для подражания, массового энтузиазма, почта, сознательного выполнения порученного дела на каждом участке работы. И если мне, допустим, известно о самоотверженной работе архангельского городского штаба школьников имени Гагарина, который воспитывает комсомольский актив в школах города; если мне говорят, что у архангельских комсомольцев родилась мысль построить Дворец пионеров на деньги из комсомольской копилки, я понимаю, что и трудовой энтузиазм, и трудные походы, и яркий пример — все это звенья одной цепи — деятельной, взаимосвязанной комсомольской работы, которая не только преобразует окружающее, но и самого молодого человека.

Сейчас у нас в области горячая пора. Прошло областное комсомольское собрание по радио, на котором мы предложили всем областным организациям обсудить мероприятия к столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Пятого октября состоялся областной суботник комсомольцев всех поколений. Тотчас же конференция «Ленин и молодость». Комсомольцы-старшеклассники решили принести книгу Ленина в каждый дом. Молодые специалисты разрабатывают сейчас нормы для каждого труженика с тем, чтобы выполнить обязательства пятнички к имени Ильича. Готовится к летним работам студенческий город имени Ленина.

Комсомольцы Архангельской области живут и работают в привычном ритме.

Александра КОНСТАНТИНОВА, секретарь комитета комсомола Костромского элавокомбината имени Ленина

— О выполнении трудовых обязательств, принятых в честь юбилея комсомола, наша организация рапортовала еще первого июля нынешнего года. Девчата нашего комбината выработали дополнительно к плану на 62 тысячи метров ткани, как это было намечено, а 65 тысяч. И зять Ивановская фабрика имени Фурманова, с комсомольской организацией которой мы соревновались, при подавлении истребителей, опередила нас — ее коллективу было вручено переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР. — Мы считаем нашу предьявительную работу успешной и плодотворной.

«На каких весах можно взвесить рабочий успех комсомольской организации?» — часто спрашивали себя я, безусловно, трудовые показатели, отражающие объем созданных равных ценностей, — убедительное доказательство девоспоспости коллектива. Ну а что еще? Конечно, человек! Он главный объект нашего внимания. Ведь от того, насколько сознательны, целеустремленны усилия каждого члена нашей организации, а итоге зависит, сможем ли мы трудиться по-настоящему. Ленинская мысль о неравномерности процесса создания и воспитания в деле, в творчестве нового человека — рабочая мысль нашей комсомольской организации.

«На изобретение каких-нибудь новых форм работы с молодежью. Мы, как и прежде, проводим соревнования по профессиям, организуем субботники, конференции, полутрубы. У нас есть комсомольский подотрядный клуб «Ленин». Мы считаем, что этих форм достаточно. Основная задача о содержании. Мы смотрим: человек речист на собраниях — и проверяем, знает ли на деле, о ком, на том же субботнике. Мы требуем, чтобы ребята, хорошо усвоившие, допустим, курс полнотрубы, доказывали свою сознательность, пониманием обстановки работой, деловым вмешательством в производство и общественную жизнь, заботой о товарище, о коллективе.

Сейчас у нас на комбинате 244 комсомольца (примерно пятая часть организации) уже работают в счет четвертого года пятилетки. 707 человек освоили смежную профессию. И мы по справедливости считаем, что эти и многие другие коллективные и личные успехи комсомольцев комбината — плод наших общих воспитательных усилий.

Думаю, что в новом комсомольском полувеке существенно не изменится направление нашей работы. По-прежнему в центре внимания остается воспитание нового человека. И тот громадный опыт, который накопила комсомольская организация комбината с 1922 года (тогда была создана у нас первая ячейка), мы, несомненно, в этой работе используем.

Владимир Ильич Ленин говорил, что лучший способ отраздновать юбилей — это сосредоточить внимание на иррирационных задачах. Нам предстоит немало потрудиться, чтобы еще более углубить комсомольскую работу. Уверждена, что вообще успех этого дела во многом зависит от того, насколько организации знают запросы молодежи, насколько хорошо знают и мечтает все это поколение совершенствоваться форм идеологической или организационной работы. Приближающийся столетний юбилей Ленина обязывает нас со всей серьезностью отнестись к этому делу. Задача, наши комсомольцы будут продолжать изучать ленинское наследие, участвовать в конференциях, тематических вечерах, субботниках и других главных мероприятиях к столетию юбилею. Но, как и прежде, мы будем требовать от членов организации не заучивания заветов, а следования им в практической работе, в жизни.

О наших производственных планах: комсомольцы комбината будут соревноваться за досрочное выполнение пятилетки к 100-летию Ильича.

Василий СОЛОДКИЙ,

секретарь Петричского горкома комсомола

— Все комсомольская работа ведется у нас как сплавные индивидуальные дела каждого комсомольца с делами коллектива. Особое это проявляется в предьявительных днях. Линейки, трудовые успехи комсомольцев молодежной бригады

Александр БОГУЧАРОВ

ОСТАКИНСКАЯ ОДА

Эпический димается кипичи.
В смоле и саже рывные собачи.
Останкино крушит свой бархан
И новоросп раздает кипичи.
Останкино... Аллея ко дворцу —
Сквозь иры новостройки, аммо Башни,
Которые стоят над дням вчерашними,
Вершини принасятся и Телцу,
Телевизионный сигнал амрозвучаю,
Что, обойдя иры и расстояния,
Из космоса приидишь к Садовому кольцу —
Оно теперь лассо на новой Башне.
Оно теперь лассо на новой Башне.
Оно теперь лассо на новой Башне.
Склоняешься к бетоному кипичу.

II
В Останкине — аллея Космонавтов.
Ракета над столицей — высоко!
Останкино — серыецены древних трактов,
Россия — широко и далеко.
Останкино... Аллея ко дворцу —
От Ленина, от Вечного огня
В полуденный час, в разгаре самом дня
В Останкине сверяют знамя юный,
Как в давности у первого коллонта,
У первого таволого плетца.
Склонялись молодежи и грелпис у огня,
Но не зная, что они землекоподоходы...
Вибрирует ракета на взгупу.
Ее полары вращаются день, аверашини,
А Башня в час ночной зажмет воочью
На каждой из ступеней ко констру.

III
В Останкине — товарищи мои.
По комсомолу с юных лет родия.

Сибирский секретарь, ты поминишь ли меня!
Мы думались на юные колпек.
(Маршрут разведок: Абакан — Тайшет,
С Геодезистом, к полску тотамим.)
Плывата на снегу была моя кровом,
И несся на проги, и даясь сигарет.
Мы поклонялись: вернулись к нам отныне
Созвездиям трасс, авалиний
Козуринское, Стофато, Журнавец!
О губили перепроходцев в спани
Маршруты комсомольско-ишенские...
В Останкине жмает Шестой проезд —
Дома, в которых молодость неглена.
В пяти шагах от Башни, от Вечной
Косморуи рассып и проруби РСФС
Они теперь во всеосном новге трабе.
Еще не проторенных, новых трабе.

Есть у Сибири споса про запас
О доблести, о подвига, о славе!
Товарищ секретарь, я в готове.
Да ты, я вижу, тоже у подьяצה!
— А есть ли останки у разьяצה!
— Как же, сверим расписные поездов.

Разьезд Стофато, Абакан — Тайшет.
И несся на тропи, я губа сигарет...

А. Горловскому

Женщинам аинушского столетия —
Жены и Ревески и Тонгилы,
Гул и вас и звалит ветельный ветер,
Камы подурт страдальных мюхи.
Мастера портрета и гравюры
Постарались юстюю и перою.
В одиотониках литературы
Жились обрамленные скарбом:
Каждая строка — штрихи к портрету,
А портрет — исток самой строки.
Как бы лихо оно было погты,
Юноше, потомок, не солгы.

АРМЕНИЯ В ФЕВРАЛЕ

Резику по калкию

Посещение

Ты к астерству был призван до
В развалинах эпический микет
Розданий винограда, зончат укрова,
Чело мыслителя и неразумный скот.
И круговая чаша древних кирешств
С дарым перыботных деревен...
...от зимы, в последний день
Архитектурных не страшась
...излишества.
Потомок мой, в ослепках
...шапокоблочных
Навард ли поднимусь каменных долин...
Как с предком вкуюся я, степна в
...Зимидраи,
Со мной ты не уидишься заочно.

Отступление на лето и осень

Армения в июле, в августе...
На черном блюде розовый шикан.
Последней красотой пленяющий
...Сеан —
Месье радуги под золотой, севе радуги
...на заре.
В горях — слезный, разноцветный
...сней,
И осколки неторопливый бег,
И лупинка чернойюпной костью.
И абрикос, как щечка малыша,
И виноград, сосудни со слезой,
И девчо под красной шапкой,
И наступил под семью шалаша,
Листам изобилия лаваш,
И протия претя — сахарный редис.
Помощное вино, расползающийся
И талыде — мой дур Ардасин...

Дядюшкой предпринимательской фабрики производилим выступил на страницах нашей районной газеты «Ленинский путь» с инициативой по организации предуболюбивой переписки комсомольских организаций. Их, конечно, тут же поддержали и другие коллективы. Газетная рубрика так и стала называться «Нашим предуболюбивым переписку комсомольских коллективов». Для организации социалистических соревнований мы выработали специальное положение, где указывались условия соревнований. В честь 50-летия ВЛКСМ коллектив боролся за звание лучшей комсомольской организации района и за право называться организацией «50 лет ВЛКСМ». Но это уже была как бы программа действий: безусловная ценность каждого мероприятия в конкретных делах. Поэтому юбилейный период мы назвали «50 дней — 50 дела». Цель «50 дней» была достаточно определенной — каждый комсомолец «каждый из них должен отметить конкретным делом. Тут и рейды култармейстер в села, и работы по благоустройству города, помощь колхозам, и тематические вечера, посвященные 50-летию ВЛКСМ.

У всегда был убежден в том, что одной из главных форм комсомольской работы было и остается изучение истории партии и комсомола, подробное знакомство с творчеством В. И. Ленина. На своем взгляд, примером комсомольской организации сейчас только после учебы мальчишек и девочек в кружках «Ленинский комсомола». Ведь убежденность каждого комсомольца в правоте дела — это залог успеха всего коллектива. Мы неплохо поработали в этом плане. Помню вечер, посвященный истории комсомола, встреч со старыми комсомольцами, помимо обязательных ленинских уроков в школах, мы писали историю исторического комсомола. В нашей районной газете уже опубликованы материалы, рассказывающие о 20—30-х годах. И, конечно, большую помощь нам оказывали ветераны-комсомольцы, ведь их у нас в районе 169 человек. Сейчас, когда мы проводим ленинские приемы в комсомол как один из этапов подготовки к встрече 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, особенно важно обращать внимание на политическое образование будущих комсомольцев. Безусловно, рост искренности комсо-

мольской организации — один из главных показателей и оценки работы коллектива но ведь результаты деятельности этого коллектива часто зависят от личных качеств каждого члена, от личного вклада каждого в общее дело. Нередко можно услышать от аудитории в комсом, что больше бы похожим на нашего комсомольского вожака». И ничего больше, без особых уточнений, почему, каким качествами привлекает тот или иной комсомолец. Да, пожалуй, и ни к чему уточнения. Была и осталась у настоящего комсомольца одна характерная черта — быть примером во всем. И раз уж зашел разговор о чертах современника, хотелось бы добавить, что все-таки каждый человек интересен по-своему, тем более молодой комсомолец. Часто жажда нового, порывистость, непосредственность затушевывают основные качества. Единственное, что почти у всех остается открытым — это потребность героического. Пусть незаметно на первый взгляд, но героического. Такое уж героическое наше время. Тут космос и атом, тут трудовые достижения нашего народа и герои Вьетнама. Трудно удержаться от соблазна и самому не совершить что-то героического.

Владимир ШИТОВ,

секретарь комсомольской организации Вальдшнеповского литейно-механического завода

— Подведение итогов всегда очень ответственный момент. Тем более, если итоги подводятся в таком грандиозном масштабе, как весь комсомолец героического. Это ведь не только завершение пройденного этапа, но и первый шаг в новое. С кем пришли, что берем с собой дальше, что новое потребуем от нас? Это отнюдь не праздные вопросы.

Часто говоря, мне всегда внушают доверие массовые мероприятия. Пусть это производственные состязования или спортивные соревнования, пусть это трудовой воскресник или праздник молодого вечера. В них всегда чувствуется общность настрой, внутренняя убежденная сила коллектива, скрытая порой за смехом, шутками. Эта сила и передается мне, когда я, еще носивший печенный секретаря, невольно терпелся перед

большой аудиторией. Общась с людьми, я начинаю понимать, не только зачем, и тогда дела будут. Подготовка к юбилейным дням еще больше убедил меня в этом. Вот хотя бы юбилейные соревнования на звание лучшего по профессии. Начиналось все в цехах, затем в районе, и вот уже наш токарь Виталий Шароватов — победитель областных соревнований. Или такой пример. Комсомольцами и молодежью взято обязательство: пятилетний план — не 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Коллективный порыв! Да, а что за этим кроется? Вот некоторые факты. За период пятилетнего срока за счет рационализаторских предложений молодых рабочих сэкономлено 60 тысяч рублей. Наши рабочие Быков и Чагаев стали лауреатами областной выставки. Три работы молодых рационализаторов представлены на выставке ВДНХ. Так что коллективные обязательства как бы подводятся итоги работы каждого в отдельности. Даже там, казалось бы, ступно индивидуальное задание, когда на бланках каждому комсомольцу было написано конкретное комсомольское поручение, переданное в коллективне-интерпретиче и достойной встрече дня рождения В. И. Ленина. Подводя итоги, мы отмечаем отличившихся работягу пугавками в Болгарии, Польшу, города-герои, ценными подарками, присвоением почетных грамот, грамотами и грамотами. Выделяются с большими впечатлениями, делаются ими с товарищами.

Всегда очень активно проходит у нас спортивные мероприятия. На спартакиаде в честь 50-летия ВЛКСМ, которая проходила во всех крупных цехах, а затем в масштабе завода, приняло участие более 2 тысяч человек. Приятно смотреть как и сплетались, поставленные нашей заводской театральной студией. Сборы от одной из последних постановок полностью пошли в фонд помощи Вьетнаму. И самое главное, что во все комсомольской работе мы постоянно чувствуем поддержку нашей заводской дирекции и парткома. Наш директор даже награжден знаком ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле».

Так зернишко по зернышку на взаимном интересе создается коллектив, работа в котором привлекает меня.

Февраль

И в февралье и источнику припал.
Памяником побоя в Замчалдине.
И на вершине спел твоих стомах,
Где вечно было огно
Крутых твоих седых.
О чем тот огно
Над городом свеча,
Над деревнями наречьям улиц.
Во мне слова армянские проснулись,
Печаль, поднимая, гореть.

II

Февраль... Разматывая и кисельный снег.
Дорога непроходимая в Герчи.
И четкая сеть дождевых дней.
И спит Сив Ванг, как в стужу челеков.

III

В программе Коматас.
Билетов нет.
Во фразею наре диванья билетер.
Он приносил как дирижер,
Не выключая в вестрибле свет.
На ципочках или водком, заморвал,
Так ходят в храм, когда в разгаре
... месяца,
И кандион старик дарует место,
На котором ступа дала не присва.
А в музыке усложняющийся ритм,
А в музыке приносит востек,
А в музыке стелняние и ностер,
В глазах детей твоих угасший свет.

И, плача, руки и музыке протер
Репризинт, скрипка, тот билетер,
Что помнит Коматас с детских лет.

IV

Гонимобла, как сын, рыжкволос,
Наполнил мне воды испить принеся.
Ог сестра с лужишкой на спине
И источнику ушла еда с утра —
С лужишкой желтым — праздником
... добра.

А возвратился — день на самом дне
Мушана медоносной свечеря,
И черная снег дороги свечеря,
И в тот же час Гехарт открылся мне

V

В скале отвиски ласты вочных ям.
Неужто вязки кончили люди там!
И в рубчике окраских древней
Для жертвоприношения назначен...
Прости, Гехарт, замечский мой сон...
Не говорю, не мыслю и не плачу.
В ущелье, в каменн зрублен древней
... храм...
То фонус слуховой, внимающий
... горам.
Тропа висит, зноуная в Гехарт,
В таскельеял неприступный дон...
Тропа, где стоишь только босиком
Ходить в шапках бел, разъятый
... пополам...
От атласе шубных и прочих ханов...
В реакторе, что отнюд расцеплял...
Меня апускал под стень свою Гехарт,
Чтоб незлобимым грешником я был.

АЛЯБЬЕВ, ПЕСЕННИК ТОВОЛЬСКИЙ

Е. Нсаеву

Колодечная гора
Точно шапка Ермака.
А с Софийского двора
Виден город до вершины:
И театр, и куртаны,
И причал, и паравоз.
Поздний пешим ранний
... всадник,
Горсовет и коммухоз...
То ли снег, а то ли ветер,
Полусвет и полумгла.
В этот час на этом свете
Мне бы песня помогла.
Только как же ей начать-сал
Кинуть с горшуми в овраг!
В старый встане постучался!
Оборвать перо в очаг!
До гула, до сволота,
Из лесов да из полей
Первым вышел на работу
Соловей кой, соловей.
Над кремлем он взял
... колесце —

У столбичого ларька.
Медлят стаян,
Ведро в прорубь
Погружаются пона.
Юный конюх коммухоза
Гладит юного коня...
Старый мастер вытер слезы.
В чех поря,
Начало дня!
Резать валонки, брелочки,
Худеть дело, мигшур!

Соловей, исполнил сроки,
Улетает до утра.

Рисунок
В. АРОНИНА

Ал. ГОРЛОВСКИЙ

Разговор наш оказался неожиданно коротким. Я спросил его, что ему больше всего нравится у Тургенева, и он, глядя на меня несколько иронически, снисходительно прогнул плечи: — Ну, кто же его, Тургенева, сегодня читает?

И тогда я пошел по библиотекам. Нет, почему же, читать читают, — отвечали мне библиотекари. — Только почему-то все больше люди в возрасте. А молодежь... молодежь тоже берет, когда по программе в школе «прочтут»...

Я спрашивал многих — словесников, студентов, учащихся: почему это так? Но не было в ответах убедительности и полноты. Не знаю, сколько пришло бы мне плутов, если бы однажды вдруг не вспомнились хронические стихи М. Светлова:

Мой сын заснул. Он знал заранее:
Снова полусон, снова полутьма
Мелкопоместные дворные
Сегодня явятся к нему!

Недаром же, на самом деле,
Не отрывался, «от» и «до»,
Он три часа лежал в постели,
Читал «Дворянские гнездо»!

И далее являлись в этом стихотворении сам Иван Сергеевич, называющий адрес шофера, потом со своим сыном Кирсанов, кувыл не тот, тот который, а тот, который дворянин, затем — Базаров.

Что было дальше — всем известно...
Светает. Сам уснуло давно.
Ему все видеть вычуждено.
Ему, пожалуй, все равно —
Что сон, что книга, что кино!

Как точно это было сказано: и чтение «от» и «до», и уверенность в полной осведомленности относительно того, что было дальше, и эта явственно-безличная характеристика «мелкопоместные дворянин», в которую укладывались не отдельные понятия, а люди, может быть, даже более живые, чем иные нелитературные эпитеты, и, наконец, эта приравненность — «что сон, что книга, что кино» — все было названо верно и точно, как может быть только настоящее искусство! Воистину: «О, как убийственно мы любим!»

Убийственность этого странного способа знакомить молодежь с инициальными духовными богатствами категорически учебника и тракто-мативный вытязкаж — не она ли привела к дурной безаппеляционной оценке известно и «кто же его сегодня читает». Да и стоит ли читать, если все знание должно уместиться в одной формуле: Базаров — нигилист, Кирсановы — мягкотельные баричи, а Рудин — одна из разновидностей «лишних людей»!

Я не боюсь такого начала «любимой» статьи. Потому что прорвался через мертвячую методику и вулгарно-социологических характеристик, Тургенев кажется сегодня только еще более великим и живым. Ведь все равно приходит к нему, и в каждом новом поколении звучит его голос, без которого нельзя сегодня представить себе Россию.

Почему же все-таки приходит к нему? Зачем? Что он несет без этого голоса?

Чтобы ответить на этот вопрос, а бы из всего словаря русского выбрал бы одно слово: ПРЕКРАСНОЕ. Именно так: не красоте, в пререкос! Как все звучит иридирует, задыхается в облаках, ему все казалось немилым, пока не вставало чудесным видением его Лебединое озеро: это же удивимый шорох, эта странная для иного уха еле слышная русская музыка слов, сонца, листья дождя!

«Я сидел в березовой роще осенью, около поля, и слышал, как с тихим шорохом утренняя перелетная птичка дождя, сменяемый по временам теплым сонным синицей; мне было непостоянная погода. Не знаю, то вдруг встали расчленилась на мгновение, и всякая и ласковая, как прерванный глаз. Я сидел и глядел кругом, и слушал. Листья чуть

шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не веселый, смеющийся трепет ветши, не влиятельное шуршание, не долгий гасор лета, не робкое и холодное летящее поздневое осени, а едва слышная, дрямляющая боптани. Слабый ветер чуть-чуть тонул по верхушкам... и угадывал, лунно начинал селиться и шептать по лесу мелчайший дождик».

Я помню, как далеко от России пришлось мне переписать эти строки и вдруг до сердечной тоны почувствовать, что родина начинается с того малого и милого утра зыбки, где впервые тебе дана была радость той красоты, без которой неположен человек. — Я восхищаюсь... этим сочувствием, которое одухотворяет пейзаж, — писал Тургеневу Густав Шлобер. — Видишь и грависш... При чтении ваших «Сцен из самых неповторимых воспитателей человека человеческого, то есть коммунистического».

В самом деле, не забываем ли мы порой, что великие патристические чувства только тогда понастоящему велики и сильны, когда в основе их лежит вот эти самые, казалось бы, малые начала? И в этом отношении Иван Сергеевич Тургенев, может быть, один из самых неповторимых воспитателей человека человеческого, то есть коммунистического.

Эта внутренняя сосредоточенность наблюдения бесконечно разнообразного мира, эта замедленная жизненного ритма, которая необходима для здоровья физического, а еще более для здоровья нравственного, — все это горадо важнее и существеннее, чем может показаться иному. Мой собеседник, с которого начался эта статья, убедил меня, что в сегодняшнем ритме жизни спокойный и неторопливый Тургенев — явный анхронизм,

потому что, мол, неторопливое течение тургеневской прозы должно раздражать, что сегодня, когда эпоха так нужны ученые, горадо важнее писатели с ражким мышлением, с шибкой почти парадоксальных идей... Бедняга! Он и не подозревал, что ему нужен именно Тургенев, потому что сегодня ученому более, чем когда-нибудь, необходимо это умение сосредоточиться, размышлять, уметь наблюдать почти незаметное.

Та точность описания, слова, эпитета уже не раз вызвала восторг ученых, Академик Е. Н. Павловский подчеркивал, что поэтическое умение видеть и точно подмечать словом явления природы крайне необходимо для исследователя. Помимо того, что это дает ему тонкую информацию, «поэзия остается в существе науки поэзия, а бы сказав, уплетает индивидуальный процесс трудного научного творчества». А Биолог А. Никрасов, читая описание в «Отцах и детях» инфузории под объективом безарского микроскопа, восклицал: «Это художественное изображение прозрачной коллоидки должно быть классическим для всякого зоолога».

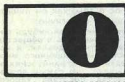
Впрочем, дело не только в развитии наблюдательности. Не потому ли явные молодые и вовсе не молодые люди жалуются на скуку, что не умеют они оставаться наедине с самими собой? Вот и возникает модные ныне проблемы свободного времени, свиданные зачастую все к тому же духовному одиночеству, которое все ждет, что кто-то другой запомнит его безразличную пустоту.

Уединенность с самим собой, как необходима она для нравственного развития! Как много у Тургенева этих теневых аллей и укромных уголков, где так хорошо и серьезно размышляется о жи-

ЛЮДИ ЦО ОДНУ ЕРДЕННОЕ

РАССКАЗ

«Самолет — орудие познания».
— И только? — обиделся Самолет.

своим умению летать он не имел ни малейшего представления. Когда маленький ворчливый трактор вылетал его из огромных ворот сборочного цеха, он радовался и с благодарностью смотрел в прямую и признавато спину машины. А трактор, продолжая что-то недовольно бурчать себе под гусеницы, тянул его и тащила, пока не выволок из помещения строения по краям.

Вокруг бежали люди и указывали трактору дорогу. Трактор потихоньку огрызался, дыркая гуашителами, но слышался и притянул Самолет туда, куда хотел люди, а не туда, куда хотелась бы ему, трактору.

Потом из трактора выскочил молодой парень, изверное, приятель трактора. Он отцепил от Самолета буксир, швырял его в трактор, и они вместе и быстро умчались туда, откуда так медленно и раздельно приходило десять минут тому назад.

Самолет посмотрел вслава трактору и заструил. Ему понравился этот маленький, кривенький механизм. И несмотря на то, что для Самолета все в этом мире было пока еще неизвестно и относительно, он пожалал, что трактор уехал так быстро и до обидного далеко. Ему хотелось, чтобы трактор постоял рядом. Не дыркая, не огрызался, а просто постоял рядом, спокой-но поставив давятелом.

А потом он подумал, что не имеет никакого права ни огорчаться, ни обижаться. Трактор сделал то, что сделало бы на его месте любой другой трактор. Он ушел от крива, от ругани, от бестактовых советов и требований, которыми его сопровождали люди за все время пути сюда. Самолет попытается представить себя трактором в такой обстановке и понять, что поступил бы так же. Правда, он не знал, как это нужно сделать.

Сейчас Самолет жалел только о том, что явился причиной всех неприятностей трактора, и рассчитывал, что при следующей встрече обязательно надо понять ему, что он, Самолет, к этой неприятности не имеет никакого отношения.

А потом в Самолет налили уйму бензина, масла и воды. И Самолет даже порадовался отсутствию трактора: было бы гораздо хуже, если бы маленький и симпатичному трактору пришлось тащить его, переполненного и отжабленного, еще куда-нибудь. Предложими, на другой конец поля...

Подходя как-то люди, совершенно непохожие на людей, кричавших на трактор. То есть они были, конечно, похожи: тоже трясные, усталые, и также же комбинированные. Но они были спокойны, неторопливы, что разговоривали, и Самолет вдруг почувствовал за ним доверие и странную симпатию. Это его немного успокоило, и, когда один из этих людей отступил пружинную ступеньку нижнего люка и влез в кабину, Самолет обрадовался и удобно усадил его в глубокое кресло прямо.

Этот человек был старым и опытным. Прикачив движением он провёл рукой по приборной доске и погладил рога штурвала, а затем начал что-то включать и чекать. И Самолет почувствовал в себе удивительно приятное и немалое ощущение новой формы жизни. Если до сих пор Самолет считал, что знает себя в совершенстве, то теперь каждый щелчок тумблером под пальцами указывал этого старого человека открывал Самолету новые и поразительные возможности познания самого себя. Это волновало Самолет, но волновало счастливо и обещало в дальнейшем еще больше радостных волнений и счастливых открытий.

И тут Самолет чекнул: «Может быть, потому, что солечный башк скальнула по его длинному носу, а может быть, и потому, что старей человек нажал в кабине на какую-нибудь кнопку, предназначенную специально для чекнуки? Самолет смутился и только собрался извиниться за неподходящий для такого торжественного момента чек, как вдруг чекнула снова, и гораздо громче, да к тому же еще и закальмась странными синеватыми клубочками дыма!

Люди, стоявшие вокруг Самолета, отскочили подальше, и Самолет испугался этого. Он хотел сдержать свой кашель, но чувствовал, что с ним происходит что-то помимо его воли и капля выливает его дрожью и

смятением, переходя в невероятный рев со стороны левого крыла. Самолет покосился налево и увидел бешено вращающийся винт. Честно говоря, винт он и не увидел вовсе, а смог разглядеть только сверяющийся на солнце диск, который вставала его трагисты и тухлится в правую сторону.

От страха Самолет даже не заметил, как он раскисался и с правой стороны. Усиливающийся грохот шел от него самого и напоял его ужасом и отчаянием. В какое-то мгновение он подумал, что его непраздно сделать, и промолкнут еще два-три габельные секунды, он, Самолет, не выдержит и разорвется грудой искореженного металла прямо здесь, около этих неосторожных людей! Этих неосторожных людей, которые мало того, что там, в цеху, недогадали при сборе, так еще и здесь, на поле, не поинтересовались собственному, ни его трагического положения...

Рев его обок двигателей самовласть а дугираздражающий, звенящий гул и не давал Самолету предугадать адекватно о надвигающейся катастрофе. Однако он почувствовал, что его перестало тухло шурвать.

Теперь его тянуло только вперед, и если бы не таинственный сила, цепко схватив винту его носик, он сорвался бы с места и мог повторить массу бед, которых по доброте своей никогда никому не желал. И в ожидании надвигающейся смерти он захотел бы просто трактором...

А потом вдруг все кончилось. И рев, и грохот, и дыкая тряска, и стремление вперед, все даже пропало сверкающие диски, и вместо них проступил медленно затухающий трехчастный визит... Он стоял обессмысленный и погрязший, и тоненькое потрескивание остывающих двигателей матко и властно возвращало его к жизни.

Старый человек отступил в кресла, отклад прибор и отодвинул створку фонаря кабина.

— Ну, как? — крикнул уи земаи.

— Порядок... ответил он и снова ловком погладил штурвал... — Нормальная машина!

— «Пендик что надо!» — крикнул синизу.

— Точно... сказала старей человек... и еще немного посидел в кресла.

«Боже мой!» — подумал Самолет... Почему они говорят обо мне в женском роде?..

Это его не обидело, но удивило. Самолет еще в цеху, на сборке, услышал себе, что он «Самолет, что он «Пятачков-второй» или «И-2», что он «Пикрирующий бомбардировщик». Поэтому сейчас, услышав, что его дважды назвали женскими именами, Самолет удивился и слегка переругал: а может быть, они правы! Может быть, он никакой не Самолет, а действительно мышечка! И весь этот коммвр, который только что кончился, произошёл с ним именно из-за этой маленькой путаницы!

— Надо будет ее еще в зону согнать... сказала строгий военной человек... Посмотрим, как она еще себя в воздухе поведет.

— Ну, вот, покажу... — устало отбился Самолет... — Олимп ЕЕ, ОНА... Что она там, с ума спадит, что ли?..

Старый человек вылез из кабины, аккуратно зашелкнул люк и отлетел воевному:

— А как она должна себя вести! Нормально, как и все... Серия есть серия.

Серия серия рознь... рассудительно сказала строгий военный... За последнюю неделю на сборке один бабы и папаны остались...

И все немаложко помолчали.

— Сам на ней запрта скажу... сказала военной и ковырнула сапогом земло... она так восток ась.

— Аудию тебе... сказала старей человек... — Кому-то надо и здесь.

— Вот ты и сиди... глухо ответил военный.

— И я сижу... — куда-то в сторону скаль старей человек и тихонько пошел в строгим воротам сборочного цеха.

Строгий военный еще ковырнула сапогом земло, гламу вслед старому человеку и нерешительно пошел за ним, а все остальные направлялись соосем в другую сторону.

Самолет ничего не понял, но отчего-то пожалал и старого человека и старого военного.

Ночь Самолет провёл беспокойно, вспоминая все события прошедшего дня. Какие потресканы прибудут на его долю утром, он не знал, но чувствовал, что в его судьбе должны произойти какие-то удивительные события. Для себя он решил твердо: принять все как неизбежное. Раз люди

не пришел в ужас от того, что привело Самолет к паническому состоянию, а даже была довольна случившимся, то он, Самолет, не имеет права распускать себя. В конце концов люди есть люди, и у него нет никаких оснований им не доверять. Тем более что они ему просто поправлялись. А если они в чем-нибудь и ошибаются, ну, например, называя Самолет разными женскими именами, так тоже ничего страшного: маленькие ошибки и слабости свойственны кому угодно, и их нужно научиться понимать и прощать. Думая об этом, Самолет надеялся, что люди отнесутся к нему точно так же...

Несмотря на то, что ночь была непохолодная, Самолет под утро продрог и даже покряхтел тоненькой сеточкой вали. Ему хотелось согреться, и, вспоминая свои вечерние ощущения при запуске двигателей, Самолет сумел чисто и беспроблемно отстоять собственные наблюдения от охватившего его в тот момент испуга. Первое, что он вспомнил, было тепло от работающих двигателей. Он помнил и многое другое: и неудержимое стремление вперед, и прохот, и тряску. Но сейчас ему хотелось думать только о том, как было тепло, когда так ужасно крутились винты...

То ли предугадания сырость, то ли бессонная ночь привела Самолет к мысли, что не худо было бы ненадолго и совсем чуть-чуть поработать обоями двигателями. Это согрело бы его и привело в нормальное состояние к приходу людей. Самолету захотелось чистить и покатывать так, как он это сделала тогда, когда в кабине сидел тут старый человек в комбинизоне.

Побоявшись собственной решимости, Самолет напрягся и попробовал завести двигатели. Но двигатели не заводились. После нескольких тщетных попыток Самолет вспомнил, что старый человек что-то выключал и чем-то прикасался, прежде чем Самолет расчихался. И тогда Самолет с грустью понял, что он далеко не совершенен, так как что-то выключал и чем-то прикасался: он не умеет, а без этого завести двигатели не удастся. Для этого нужны, наверное, только люди.

Может быть, придет к такой мысли, какой-нибудь другой Самолет и восстановится бы против людей (работало бы управление самолетами или еще что-нибудь), но с этим Самолетом ничего подобного не случилось. Наоборот. Самолет укрепился в своем уважении к людям, и единственное, что его сейчас приводило к унынию, — это роса на крыльях и фюзеляже, от которой было тихо, сыро и удивительно неуютно.

Как случилось, что он все-таки задремав, Самолет не понял и очнулся только тогда, когда услышал голоса людей совсем рядом.

Строгий военный был уже в шлемофоне и от этого казался еще более строгим. Зато двое незнакомых военных, тоже в шлемофонах, были веселы, добродушно похлопывали Самолет и приговаривали:

- Вот так слышался! Слыши, а?
- И движки у нее теперь не «сто пята», а «сто семь [ПФ]!
- Будь здоров! Пушечно-форсированные с непосредственным вращением!

И Самолету все это нравилось, и только одно его беспокоило: отсутствие того старого человека в комбинизоне. Самолет видел, что строгого военного это тоже беспокоило. Да и все это видел. Наверное, поэтому остальные тоже ходили и похлопывали Самолет и тоже приговаривали разные незначительные ласковые слова. Даже чуточку больше, чем садилось.

На быстром «свалился» к Самолету подлезало еще несколько человек, и Самолет с удовольствием увидел, что последний из «свалился» вылез тут самый старый человек, из-за которого Самолет и военный в шлемофоне уже успели милость похвастаться.

Строгий военный сразу перестал быть строгим и стал невозможно виноватым военным. И даже улыбнулся тому старому. А старый, не прекращая разговаривать с людьми из «свалился», подмигнул виноватому военному. И военный от этого перестал быть виноватым и стал спокойным военным. Трое в шлемофонах надели на себя парашюты и стали заходить в кабину. Двое уселись в ту кабину, в которой вчера сидел один старый человек, а третий устроился отдельно, в центре фюзеляжа.

И по мере того, как все трое возились в своих кабинах, устраивались поудобнее и оцупывали окружающие их предметы, Самолет начал все сильнее чувствовать какую-то поразительную нежность к этим колоннцам внутри него самого. Самолет прислушивался к каждому их движению, и сердце его наполнялось радостью и желанием защитить этих троих от всего на свете. А рядом с нежностью росла тревожная ответственность за судьбу трех беззащитных военных, укрывавшихся в его чреве. И это осталось у него на всю жизнь.

— Корниенко, готов! — услышал Самолет чей-то чужой голос внутри себя. Он был поражен, так как мог бы показаться, что, кроме ЕГО людей, здесь больше никого не было!

Но человек, сделавший за штурвалом, не испугался, а, глядя прямо перед собой, спросил:

Рисунок В. ЮДИНА

СМЕНА 9

— Штурман, готов?

И штурман из-за его плеча ответил:

— Готов.

Тогда человек за штурвалом (это его звали Корниенко) спросил:

— В-3, Малышкин, готов?

Из центра фюзеляжа прозвучало:

— Порядок.

— Готовы! — сказала Корниенко тому, Четвертому, которого не было.

— В запуску! — сообщила Малышкин Четвертый.

И палмы Корниенко стали что-то выключать и чем-то включать.

Палмы Корниенко делали все то же самое, что делали вчера палмы старого человека в комбинезоне. Но Самолет чувствовал жесткость корниенковских палмы и дулма, что извращенным звуком двигателя сегодня дала бы кончить и приговору, и уберечь Корниенко, штурмана и Малышкина от любого нежданнысти.

— Снова прохотал двигатель, снова Самолет трясся в жесточайшем напряжении, снова мучался от желания сорваться с места и покочкить по зеленому вылазному полю. Но на этот раз в середине Самолета не было ветра и шума за собой — только гонимая трава под садами внутри него.

Но вот Корниенко смелта двинула на себя два рычажка левой рукой, и двигатели перестали прохотать так сильно. Одновременно с этим вынул Самолет распределенно вздохнул колеса, и Самолет с удивленным заданием, что катился вперед, поднимал под себя короткую траву пола. Он свободно катился за своими винтами, подпрыгивая и перовалываясь на невидимых бугорках. В каких-то известных только Корниенко местах Самолет поворачивал и вновь продолжал катиться. У самого края пола Самолет останавливался и угадывал перед собой вылазную полосу — не земляную, а серую вылазную, с редкими клочками сухой, жесткой и очень мерзлой травы.

Колеса снова прижимали к земле, и винты, как ни крутились, ничего не могли поделать.

Только Самолет успел подумать, что охотнее остановился бы около того старого человека, как вдруг далекий трескующий голос Четвертого спросил:

— Ну как?

— Нормально, — ответила Корниенко и посмотрела на штурмана.

— Ну и что? — спросил Четвертый.

Корниенко ткнула нос приборам, прижала для верности к горлу ларингофон и сказала сухим голосом:

— Проню влет.

Вместо ответа что-то треснуло, и через секунду Четвертый так же скучно ответил:

— Понял, Вам влет.

И вот тут-то оба двигателя словно взорвались, а винты закрутились с такой скоростью, что Самолет натянулся, как струна. Если бы он мог оглушиться назад, то увидел бы стремительно убегавшее от него облако серо-зеленого дыма. И Самолет принадеяла жестко зацепилась за вылазную полосу, только данную укатаную полосу, упираясь в нижний край ее.

Когда же звук моторов саился в единый звенящий гул, колеса освободились, и Самолет помычался вследа за винтами, все больше и больше увеличивая скорость. В какой-то момент Корниенко двинула штурвал вперед, и от этого у Самолета принадеяла жестко зацепилась за вылазную полосу, только данную укатаную полосу, упираясь в нижний край ее. Когда же звук моторов саился в единый звенящий гул, колеса освободились, и Самолет помычался вследа за винтами, все больше и больше увеличивая скорость. В какой-то момент Корниенко двинула штурвал вперед, и от этого у Самолета принадеяла жестко зацепилась за вылазную полосу, только данную укатаную полосу, упираясь в нижний край ее. Когда же звук моторов саился в единый звенящий гул, колеса освободились, и Самолет помычался вследа за винтами, все больше и больше увеличивая скорость. В какой-то момент Корниенко двинула штурвал вперед, и от этого у Самолета принадеяла жестко зацепилась за вылазную полосу, только данную укатаную полосу, упираясь в нижний край ее.

Очулся он только тогда, когда штурвал убрал стал. Собственно говоря, убрал палмы не штурман, а сам Самолет. Но нужно отдать должное и штурману — что-то он такое сделал, отчего Самолет захотел убраться палмы. И когда колеса со стойками убрался в мотополосы, Самолет вздохнул и оладился. Земля была далеко внизу — аккуртнравая, ровная и очень полая. Ни о каких бугорках, на которых Самолет подпрыгивал, катился по полю, и речи быть не могло. Земля медленно уходила назад, к хвосту, и Самолет обрадовался этому. Скорость, с которой они мчались по вылазной полосе, пугала его, и теперь, как ему казалось, медленно плавая над землей, Самолет обрелта дудное спокойствие. Двигатели работали беззвучно, без удивительного шума, что означало, что Самолет, по чрезвычайной симпатично плотно поддерживало его крылья и не давало улететь, визг. Но самое главное: Корниенко, штурман и Малышкин были спокойны и даже перебарывались невпомятыми короткими словами.

А когда дома на землях стали систем маламалки, а люди и носы исчерла, Корниенко улыбался и поглядыва штурвала. Поглядыва точно так же, как это сделала вчера тот самый старый человек в комбинезоне.

— Ах ты, умища... — даже сказал Корниенко.

И сердце Самолета перелопачивало восторгом и гордостью. Ему захотелось сделать что-нибудь приятное этим людям, и он смелта сколламу на левое колесо.

— Ну, ну!... — предостерегающе проворчала Корниенко и выровнала Самолет.

— Он опущенно палмы было настолько изумительным, что Самолет ни сколько не обиделся на Корниенко. Теперь ему хотелось только одного: знать, что трактор и «вильяс» видит его сейчас с землей. Не для того, чтобы потом, при встрече, только помолчать, а просто так... Может быть, им будет приятно увидеть это в полете. Самолет, гладя на него, им самим захотелось пометать. Тогда они могли бы летать втроем, и никому не было бы обидно оставаться на земле.

Когда Корниенко убедился в несокрушимом здоровье Самолета, он заставил его набрать высоту. Идет путь тысяч метров и оттуда пробрала Симолет в парке. Самолет принадеяла прямо на большой протест вылазной в середине этого поля. — Из-под крыльев Самолета вылетали тормозные решетки, да еще штурман, как назло, закрыла штурм водородарности. Все это было не очень приятно, тем более что дома на земле виселась внастречу — росли так быстро, что Самолет сгорел, гадая на него, им самим захотелось пометать, который не доставала ничего, кроме удовольствия. Но когда наконец рули глубины задарлся вверх и Самолет стал поднимать нос к

горизонту, выяснилось, что самое тяжелое — это выход из пикирования. Невольная тяжесть придавила Самолет сверху, словно на него нагнута и трактор, и «вильяс», и всех людей, с которыми он успел познаться еще в сборочном цехе...

Но все же Самолет вылез из этого жутковатого падения. Сразу остановился в своем росте дома на земле — правда, немного больше, чем они вылазали с высоты пяти тысяч метров, но все равно Самолету было ужасно приятно, что ему не пришлось их увидеть в падении, а самому что уже есть вылазному вылазнику. И после первого пикирования он стал очень угадывать высоту.

И вообще все пришло в норму: штурман убрал тормозные решетки, открыл штурм водородарности, и Самолет смог вылазть, полной грудью.

— Ну вот... Теперь ты еще и пикируешь! — сказала Корниенко и рассмеялась.

— Боже мой! Ну как же он мог забыть! Самолету даже стало не по себе... Но его действительно пикирующей Пикирующей бомбардировщик... Он еще раз забрался на пять тысяч и еще раз пикировал, но уже застывшим вылазником вылазнику. И Самолет принадеяла все как должное, так, как всегда себя этого боялся.

С тех пор пропало двадцать пять лет.

Уже давно Самолет стоял в музее военно-воздушной академии и не знал, что он единственный пикирующей бомбардировщик 4ПБ-2а, оставшийся на земле...

Рядом с ним стояли великие летательные аппараты двадцатых годов: странные эрпланы тридцатых; чем-то похожие на него самолеты времен Второй мировой войны; удивительные крылатые создания с лампами и моторами — реактивные. За счет чего они могли подняться в воздух, Самолет не ведал, но так как они и не пытались это делать, как, впрочем, и все остальные экспонаты музея, то Самолет вскоре привык к ним и они уже не вызвали в нем того самого раздражения, которое Самолет ощутил при первом знакомстве с ними.

В войну ему повезло. Трое двадцатилетних мальчишек десанта раз вытаскивали его из самых гибельных положений, принадеяла дома. Почти дедом и любими его, ничего не требовали взамен.

И только однажды они смел отплатить им за любовь и верность. Это было уже над жужжаной штурвал, Самолет почувствовал, как сквозь него пролаз кусок расклеванной равной стаи, и мальчишка, снадевший за штурвалом, закрывала и ушла лицом на приборную доску. И они ядумом — Самолет и вторые мальчишки-штурман — судалась все, чтобы вернуться на свой аэродром. Он любил палмы и ругался страшными словами, это штурман, когда дтискивался в крыло летчика. И Самолет из последних сил старался помочь ему и не устал на земле.

Они садилась вопреки всем правилам поперек полосы, но на соблюдение правил не было уже ни сил, ни времени...

Больше они не летали... С него сняли пулеметы, радиостанцию и что-то еще.

Много лет он стога за ангарами маленького невоенного аэродрома, и много лет он стога всего заперто снегом, а летом в нем копшилась дедка и играл в войну.

Они не знали войны и постоянно в чем-нибудь ошибались. Но Самолету не хотелось их поправлять, так как Самолет знал войну и не мог забыть того мальчишки-летчика, который еще живой закрывала, а ушла лицом на приборную доску.

Слусть еще несколько лет на военный аэродром принадеяла много пожиманий военных. Они долго осматривали Самолет и говорили:

— Посадишь...

— Посадишь из мотикам.

— Кто бы мог подумать!...

— Это же счастье, что хоть одна осталась!...

— Такую машину не сохранить, а?

— Сколько еще в ней воин!...

— Ничего. Принадеяла в бойей вид.

Самолет слувала военных, вглядываясь в их лица и с грустью думала о том, что когда-то в нем говорил совершенно иначе.

Его разоборили, погрузили на платформу и несколько дней везли по железной дороге. Под удивительным постукиванием колес, а Самолет думала, и в коротких легких снах видела своего первого заводского летчика Корниенко, старого человека в комбинезоне и трех военных мальчишек. В его снах они были живыми, и сам Самолет взлетала, пикировала, отстреливалась и садилась поперек полосы.

В музее к нему подобрали недостаточные части, установили на нем приборы, оружие и заново покраили. На какое-то мгновение Самолет подумала, что опять снова захотела летать на нем. Но когда с него сняли старье, решетки, удали дитичелю и не поставили новые, а просто сделали так, будто они и в нем есть, Самолет понял, что ошибся, потому что Самолет уже давно не был уверен в том, что когда-нибудь сможет взлететь...

Рядом с ним установили табличку и на табличке красиво напечатали, кто, он, кто, кем выпущен и какие задачи выполняла, во время войны.

Ничего нового в предельно кустарном, Самолет не понимала, почему его поставили именно здесь, почему вокруг него ходят невоенные люди, огладевшие его, похлопывают и тревожно смотрят на солнце. Его, Самолет, солнце никогда не тревожило. Сколько раз он взлетал навстречу солнцу, сколько раз заходил на дедку со стороны солнца! Оно помогало ему, расторопнее себя в своем расклеванном состоянии и делало неуязвимым, словно вылазнуло на него шпалу-невидимку.

Потом из разговоров Самолет поняла, что люди боятся, как бы солнце

не ушло, как бы у них что-то не сорвалось. Люди суетились, покрикивали друг на друга, вытаскивая из негошибов разные вещи и раскладывая их вокруг Самолета. Самолет огляделся и вдруг понял, что это за вещи!

Рядом с ним под его хвостом, за его хвостом вставало все то, что облоилось Самолету на всех его остановках и временных фронтальных аэродромах: тормозные колодки для шасси, слезные моторные чехлы, струбцины для рулей глубины и элеронов, лестница для моториста и многое другое, от чего Самолет уже устала отвыкнуть и теперь узнавала со слезами, немощным унижением.

Но тут же у него появилось диким испугом: значит, война? Значит, опять война?! И Самолет захотел крикнуть всем этим людям, что он не может взлететь, что произошла какая-то ужасная авария! Ему нужно срочно в ПАМ-1 это помешать авиаремонтным мастерам. И нем тут двигатели, утюжков, и шпатель и много из инструментов, а со старым, спящим «АИ-21». Подождите! Он, Самолет, еще не тот!..

Но из автобуса уже вышел толп двенадцати мальчишек в военной форме, в шамофарах, с пистолетами, парашютами и направился к Самолету.

— Вы были такие же мальчишки, как и я, которые было двадцать двадцать пять лет тому назад. Они даже охоты были так же. По той фронтальной лодке. И на гимнастерках и на билах бы те же орудия...

И Самолет решил спасти этих трех от неминуемой гибели!

Если они сами не хотят погибнуть, то на нем, на Самолете, нельзя полагаться в воздухе. Он должен их вернуть на землю.

Первый мальчишка с погонами старшего лейтенанта попытался открыть лок. Самолет испугался и не позволил ему сделать это. Первому помог второй, но Самолет сдержал усталого облою. Третий повернулся к автобусу и обложно крикнул:

— Не открывайте, собака!

— Значит, не хочет,— рассмеялся кто-то, и на землю из автобуса выпрыгнула худощавый, рыжеватый, пожилой человек небольшого роста.

Самолет взгляделся, округил и горничая волна радостного смеху закружил его от рывков моторов до консолей плоскостей!

— Это был повзрослевший на двадцать пять лет Корниенко — человек, впервые поднявший его в воздух! Корниенко — летчик, от которого начиналась биография его, Самолета...

Теперь Самолет был спокоен. Сейчас все встанет на свои места. Корниенко осмотрит его и объяснит всем, что Самолет не может взлетать, что он почти реактивный — винты просят так, для соблюдения формы. Только бы Корниенко узнал его, только бы вспомнил!

И Самолет разрешил Корниенко открыть лок.

Корниенко показал мальчишкам, как нужно залезать в кабину; кто должен идти парашютом, кто вторым, и мальчишка слушали каждое его слово, несмотря на свои орудия и парашюты...

— Вы на нем летали? — спросил один из них у Корниенко.

— Ну, не на этом именно, но на таком же — ответил Корниенко.

— Какое, несл? — Икнул на этом,— захватил Самолет.— Ну, пожалуйста, вспомните! Вы еще говорили, что я уминал. Это было в сорок третьем... Вас еще на фронт не пускали, а меня сразу после прилета отпустили! Помните! Ну, пожалуйста, вспомните! Там еще такой старый был, а комбинаzione...

Но Корниенко уже объяснял этим страным мальчишкам, как походить на тех, настоящих, кто «пешка» — машина стрелая и рулями резко двигать не нужно. Она умная — сама сама понимает...

Он еще долго говорил и показывал этим мальчишкам, и Самолет понял, что лететь она никак не собирается, а собирается вспомнить про то, что было двадцать пять лет тому назад. А Самолет все ждал, что Корниенко узнает его и поглядит тогда штурвала.

Потом они вылезли из кабины и подошли к аппарату, напечатанному на Самолете. Вокруг аппарата стояли проекторы и новые люди.

— Ну как? Осознался? — спросил высокий полный человек.

— Вроде бы... — сказали мальчишки и восторженно посмотрели на Корниенко.

— Еще освоятся... — Корниенко печально оглядел Самолет.

— При таком-то консультанте! — воскликнул высокий полный и спросил у Корниенко: — Можно слышно?

— Слышите? — ответил Корниенко.

— Выманил! — крикнул высокий. — Актеры, по местам! Притовляйтесь к сценке!

Пять солнечных дней, пять сыстных дней Самолет жил полной жизнью. Он привык к проекторам, к суете и крику невоинных людей, привык к мальчишкам в орденах и парашютах, снова привык к негормонной талоте реактивных самолетов и даже привык к мысли, что двадцать пять лет разлуки дадут право одному не узнать другого. И в этом нет ничего оскорбительного. Двадцать пять лет не шутка...

Пять дней мальчишка говорил привычные Самолету слова, комбинировал в тени его крыльев и на второй день уже совсем покосил вылезал в кабину. И Самолет был рад, что может помочь людям вспомнить то, о чем, по его мнению, забывать не следовало.

Он уже привык к разным незнакомым словам и понятиям, и когда его тыщар тросом по полю, он, как и все, очень волновался, чтобы трос не пошел в кады...

Семки закончилась, и Самолет вернулся на свое место в музее. Сад, под высоченные сумрачные своды бывшего ангара, он принес с собой закладки пола, тепло солнца и раздалающую званье трав, застрявшую в резиновых бордюрах его колес.

В последний вечер, когда было уже совсем темно и машины в музее утапливались только по слухам, к Самолету пришел Корниенко. Он долго стоял под ним, а потом прижался лбом к аэтенне радиополукомиса, закрыл глаза и тихо сказал:

— И все помню...

И тогда Самолет впервые в жизни захотелся заплакать.

Но он не знал, как это сделать...

Дорога «Смена»
Мин 13 лет. Я живу и на Кубани. Зеленые тополя окулают наш поселок. Красной А романтика уже куда-то в неведомую даль на стройку, поближе к автобусу розового цвета, еще не увидяного.

Надевно я прочитала очерк корреспондента вашего журнала о жизни в Новополюсе. О городе, построенного, о людях, о любви.

И в начале-то неведомая сила твист меня туда, где поднимается корпус комбината, новые жилые дома. Хочу, хочу в Новополюсе! Дорога «Смена», когда вы будете делать адрес-добрую молодого обещания Новополюсе. Очень прошу удовлетворить мое прошение.

ВАЛЕНТИНА СЕРБИЯНСКАЯ
г. Новокузнецк, Краснодарского края.

РЕД. С разных концов страны в редакцию приходит письма от молодых людей с просьбой помочь им получить на новополюсе жилье. Наманда неведомого, жандра романтики знают молодое на самый трудный край эпохи.

Общая эта дорога «Смена» мы все же хотим сказать молодым: не география делает биографию, но дальность мест определяет трудность цели и романтику существования человека в среде стреления. И прежде чем отправляться из отчего дома, спросите себя: что вы хотите сделать на новом месте? Владеете, смонели бы вы приспособить той новостройке?

На письмо Валентины Сербиянской отвечает секретарь Новополюсекого горкома комсомола Сергей Дворцов:

«После выхода в свет восьмого номера «Смена», где вы написали материал о нашем городе, нам пришло сотни писем, раздалась десятая звонков со всех точек Союза: из Баку, из Кировограда, из Ленинграда. Те, кто когда-то уехал на Белоруссию в другие города, теперь тоже хотят вернуться и работать в Новополюсе».

Конечно, нам это очень приятно. Но мы должны огорчить большинство тех, кто обращается к нам. Мы не сможем принять всех желающих.

Вопрос с кадрами у нас уже risen. Мы создали свою базу подготовки молодых кадров. У нас свои институты, техникумы, училища. Большею частью это кадры низкого процент теучности кадров (4%). Молодежь быстро растет, овладевая специальностями, покаяна квалификация. Это действительное существование города: на работа выстроены от строителей до руководителей предприятий, но не хватает кадров в строительстве, в промышленности, в сельском хозяйстве; скоро отойдет Дворец пионеров. Но техникумы, вузы, школы. Вот теперь нам понадобятся другие кадры — кадры культурных, спортивных учреждений, воспитателей, учителей. Пусть они приезжают к нам — встретим с радостью!»

Дорогая редакция,

Я постоянный читатель вашего журнала. Выписываю его три года подряд. Вы печатаете в «Смене» очерки о новостройке Сибири. Большею частью эти очерки и закупаю, что участвует в их строительстве. — ведь там, где строительство, там и жизнь. К чему все это я пишу, спрашиваю вы меня. Окончив вуз, я получил направление в Добюкс. Хотя ехать туда не хотел, я пошел, потому что там, где строительство, там и жизнь. Но вы, пришлось ехать в Краматорск. Однако мечта у меня осталась, и вот, читая ваши статьи, я снова стал с прослой: дайте мне, пожалуйста, несколько адресов новостройки Сибири или Дальнего Востока.

С уважением
Винтор СТАРНОВО

г. Краматорск.

Винтору Старнову из Краматорска и всем, кто хочет поехать на стройку Дальнего Востока, отвечает секретарь Хабаровского райкома ВЛКСМ Александр Сидоров:

«С мушкетом огромного увлечения за наш район, за наших парней и девчат, невольных приехать к нам, встречаем мы такое новое письмо».

Работать на ударных стройках очень почетно, но и очень трудно. Но каждый может выдержать, но доказать в трудную иезиданное искусство. С первым же трудностями (потому даюе вопрос с том, чтобы свалить свою жизнь, с Дальнем Востоком, надо хорошо научиться везать все «за» и «против». Все малое работать, приносить людям пользу Вам придется докладывать не красивыми словами, а делом (каждой черновой работой, ибо бесполозных работ нет).

Сообщаем Вам адреса, где в отделах кадров строки вы сможете получить вызов и узнать об условиях работы и жизни в различных горнообогатительных комбинатах (г. Юльчинск, Хабаровского края, трест «Амурстрой»);

2. Угледобывающее комбинатом обогатительная фабрика (г. Чегдомин, Хабаровского края, строительное Управление);

3. В отделе кадров Главдальстроя Минтяжмашиностр СССР (г. Новокузнецк, улица «Маркс»).

Здравствуйте, Иппа Игряльвичина!

В 13-ом номере журнала «Смена» я прочитала о Вас очерк и решила написать Вам. Меня очень жаль, что не удалось и увидеть вас лично. Но я не хочу быть учителем, возможно, я занимаю чье-то место в институте. Однако, я очень люблю море и небо. И очень хочу стать, как Вы, стваристей. Хочу летать.

Прощу Вас, пожалуйста, написать, как можно попасть в бортипроводники. Что для этого нужно?

г. Прокопьевск. Е. МАЛАХОВА

РЕД. Таких разных редакций получают много. Мы попросили ответить на них заместителя главного редактора и члена редколлегии инженерской экспедиции Министерства гражданской авиации Георгия Александровича Писаренко:

«На работу в дальности бортипроводников принимают юноши и девушки в возрасте от 19 до 30 лет, имеющие образование не менее 10 классов средней школы или специальное образование (медицинские или ПТУ, где обучают радиолокационному искусству), доблестно выполнившие специальные медицинские требования».

Зачисление об имени развитии, внешних данных, состоянии здоровья находит дача специальные администрация и медицинская комиссия и Совет авиации. Устроены в авиацию лица, удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к бортипроводникам гражданской авиации, бортипроводники, которые являются пассажирами в полете после успешного окончания краткосрочных курсов бортипроводников гражданской авиации.

Зачисление на должности бортипроводников производится только по месту постоянной прописки. Читатель».

«СМЕНА»

Генерал-майор
П. Е. МЕЛЬНИКОВ

Читатели «Смены», наверное, помнят прошлогодний юбилейный военный парад на Красной площади. Наверняка запомнились им и гвардейский полк моряков. Рослые воины, элегантно и необычайно черная форма: уюта и расхожие тельняшки и форменки, сдвинутые чуть набекрень черные береты с красным выпелом и небольшим золотистым якорем.

Морская пехота! Один из родов сил советского Военно-Морского Флота. Ее традиции славны и героичны. Ее прошлое и настоящее не могут не восхищать и не волновать каждого, кто гордится мужеством и интеллект наших воинов, кто ценит особую стойкость и удачу, презрение к смерти, немаясть к врагу.

Откуда же идут эти традиции? Когда и как создавались части морской пехоты в русском флоте?

Еще в 1705 году по указу Петра I на военных кораблях формировались отряды морских пехо-

под командованием Героев Советского Союза В. Боталова и И. Куникова. Треть стоек моряки вли нерывной бой, отбивая атаки танков, авиации. Исключительный героизм и мужество проявил в 1944 году десантный отряд К. Ольшанского. Шестнадцать соев человек около трех дней вели ожесточенный бой в порту Николаев. Фашистов было в десять раз больше, им помогали артиллерия и танки. Десантники отбили 18 вражеских атак. За мужество и отвагу все морские пехотинцы стали Героями Советского Союза.

Современная морская пехота — высокообученный род сил Военно-Морского Флота СССР, его любимое детище.

Боевая техника, с которой причнен иметь дело сегодняшний морской пехотинец, особая. Это плавающие танки, такие же бронетранспортеры, самоходные скорострельные зенитные установки, противоминные управляемые реактивные снаряды — так называемые ПТУРСы. Кроме того, на специальных десантных кораблях к берегу подразделения могут доставляться и другие виды ору-

ИТАРИА

тинец. Правда, показать себя им пришлось лишь через девять лет, в 1714 году, в битве за Гангут. Но особенно отличилась русская морская пехота в 1799 году при взятии крепости Корфу. Затем 1812 году, когда морской гвардейский экипаж дрался под Бородином и с боями дошел до Паряжа. В Крымской войне 1853—1856 годов морская пехота защищала Севастопольскую и Петропавловскую военно-морские базы. Порт-Артур обороняли в 1904 году части, которые также были сформированы из моряков и флотского экипажа.

Первые отряды советской морской пехоты составили революционные моряки Балтийского флота. Они штурмовали Зимний дворец, занимали вокзалы, мосты и улицы связи Петрограда. Вместе с отрядами Красной гвардии моряки громили войска Керенского под Пулковом и коринловские дивизии на подступах к Петрограду. По указанию В. И. Ленина в ноябре 1917 года Балтийский флот сформировал сводный отряд, который участвовал в вооруженном восстании в Москве. В феврале 1918 года моряки сражались с немецкими войсками под Псковом и Нарвой. В этом же году флотские отряды громили контрреволюцию на Украине, в Поволжье, на Урале, на Дальнем Востоке и в других районах.

В 1919 году морская пехота оформилась в самостоятельный род сил; на флотах появились батальоны, полки, бригады, а позднее и дивизии морских десантников. Тогда же прозвучали имена первых героев-пехотинцев в бескрайних: Железняков, Осипов, Мартынов, Следков...

С первых же дней Великой Отечественной войны на фронт ушли десанты отдельных бригад, полков и батальонов морской пехоты. Оноло пятисот тысяч военных моряков, оставши свои корабли, сражались под Ленинградом, на полуострове Ханко, под Талином, Москвой, Одессой, Севастополем, Новороссийском, Сталинградом, в Заполярье. Паника одолевала противника, когда он слышал восточный клич «Полундра!». Морская пехота участвовала в ста пятидесяти пяти морских озерных и речных десантах. Сотни ее бойцов получили звание Героя Советского Союза. Семь соединений и частей присвоено наименование гвардейские, а пятьдесят соединений и частей стали Краснознаменными.

Бесмертный подвиг совершил моряк-комсомолец Евгений Никонов. В разведке под Талином его группа попала в засаду. В бою Е. Никонова ранено, он попал в плен. Фашисты заперли пленных моряков, но он молчал. Тогда гитлеровцы приказали Никонову к столбу, а затем живого отвести на каторгу. Е. Никонову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В Талинне установлен памятник Е. Никонову, а одна из улиц названа именем героя.

Крым, 1943 год. Десант в районе Новороссийска

жия. Словом, как видите, само название «пехота», как и в сухопутных войсках, всего лишь дань славному боевому прошлому.

Службу требуют от морского пехотинца специальные физические и психические качества, универсального физического развития и особых качеств характера. Морской пехотинец на должен поддаваться морской болезни. Он обязан одинаково хорошо владеть всеми видами стрелкового оружия, уметь долго плавать в полной выкладке, знать саперное дело. Он и разведчик, и танкист, и артиллерист рукопашный бой — тоже не последнее дело. «Заштукать за ключок закли, оброченной сильным противником, и выдержать любой storm, любые контратаки до подхода основных сил десанта — это и есть одна из главных целей, ради которой десантник сегодня приобретает все тяготы боевого учения, показывает образцы службы и верности долгу. Вот, например, отличный минометный взвод лейтенанта А. Шереда. У Александра на войне погиб отец, и Саша твердо решил стать военным. С ранней лет ему пришлось работать кузнецом и учиться. Ударник коммунистического труда Александр Шереда, когда пришло время служить в армию, подал заявление в военное училище. После его окончания в 1966 году лейтенанта назначили командиром минометного взвода. Одним из расчетов этого взвода командует старший сержант комсомолец Г. Петров. Без стравы в этом году Григорий избранный орденом. Сам Г. Петров — спортсмен второго разряда, а его товарищи старший матрос Володя Федичев и матрос Евгений Сушкин — отличники боевой и политической подготовки.

Меня часто спрашивают: можно ли заранее подготовиться себя к службе в морской пехоте? Думаю, что можно. Спорт, особенно его прикладные виды: акваланг, парашют, авто- и мотоголод, сапбю, радиотехника — вот наиболее доступный путь, который ведет в морскую пехоту. Офицеры этого рода сил становятся сейчас лучшие выпускники общевоинских училищ.

ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА АВТОРУ

— Совершают ли наши морские пехотинцы длительные переходы по воде?

— Конечно. Иначе как мне же моряки. Вот, например, на недавне прошедших командно-штабных учениях «Северный морской десант» Краснознаменного Балтийского флота прошли три довольно беслопных моря — Северное, Норвежское, Баренцеве и в ходу штурмовали берег «противника».

— Что можно сорвать современного морской десант?

— Берег, на который готовится высадить морские пехотинцы, обычно, как говорят военные люди, заранее «обрабатывается» всеми изумными видами оружия с моря с воздуха. Разветы, снаряды, винны авлазиматую оборону противника — в

Нас уже поджидали корабли. Машинны одна за другой исчезали в носовых люках судна...

современном бою помешать этому почти невозможно. Затем на берег высаживаются морской десант. Усиловить высадку могут очень плохая погода, сильный шторм.

— Товарищ генерал, в чем суть психологической подготовки советских морских пехотинцев?

— Командование не скрывает от военных всей сложности действий, риска, с которыми в случае войны придется иметь дело морскому десантнику. Каждый из них знает и понимает свои задачи, готов к немедительному их выполнению. Этому способствует вся система воспитания нашей молодежи вообще, гордость и доблесть, героизм, мужество и традиции народа войск, в которых служит моряк в частности.

— Несколько слов о себе, Петр Егорович.

— На флоте с 1935 года, окончила военно-морское училище береговой обороны, воевал под Ленинградом.

Специальный корреспондент
«Смены» Евгений МЕСЯЦЕВ
ведет репортаж
с учений морской пехоты

Вот уже несколько дней морские пехотинцы Краснознаменного Черноморского флота ждут начала учений, а с ними и долгого плавания за несколько сот миль от обжитой бухты. Там проходит их обычная жизнь...

Боевая тревога в конце ночи уничтожила наши праведные сны, но не застала врасплох. Вся походная поклажа была под руками, мы собрались быстро, двинулись кильным своим ходом: ногами, носками, на гусеницах.

Нас поджидали корабли. «Никакого перекорма, ребята, после, после!» — подкинул в мезгафон командир регулировщиков. Покинулись яму, машинно-командир регулировщиков. Покинулись яму, машинно-командир регулировщиков. Покинулись яму, машинно-командир регулировщиков. Покинулись яму, машинно-командир регулировщиков. Если хотите знать, на это идут вюрные цели и специальные крюки в бор-

ду десантного корабля. Цепь одним концом соединяет с тросом кораблем, а другим привалявают машину. Мы спешим исполнить приказ; чем скорее мы сделаем эту работу, тем ближе и завтра и теплый кубрик, а значит, торопить нас не нужно, все и так идет как надо.

Через несколько минут мы уже наблюдали, как на соседний корабль грузится «противник». Новенькие, словно игрушечные, каски, винтовки, автоматы, саперные лопаты только что взяли для них со складов. Посмотрите-на, как исповоно они несут свое снаряжение! Кто и ругает, кто за спиной — устал, бедняги. Сразу видно, что «противник» пользуется этими необходимыми вещами от случая к случаю. У нас же полная выкладка не сходит с плеч.

«Противник» высадится на берег днем раньше. Опасается в самых неподходящих для нас местах и, конечно же, постарается помешать атакованной морской пехоте в мутную полосу прибоя. Пароку для этого у него хватит записей, танки, подорванные лодки, корабли, янки. Вот нам и предстоит показать тем, кто сейчас грузится на соседние корабли, чего мы стоим.

Может быть, кто-нибудь не знает, что это за люди — пехотинцы в телешахах и черных беретах? Тогда запомните следующее.

От кандидата в этот вид морских войск ждут многого. Выносливости, сообразительности и реакции пилота. Его голова должна быть ясной, как у ракетчика, ибо только так можно будет спокой-

Морские пехотинцы роты, которой командует лейтенант Владимир Амерханян.

Второй вал морского десанта на побережье, занятое «противником». Бронетранспортеры и плавающие танки могут стрелять по нему с ходу.

Подводные саперы: Николай Геленко, Владимир Басороский, Анатолий Пахомов, Алексей Карасев. Их задача — подготовить берег к высадке основных сил морской пехоты.

Фото
Константина КУЛИЧЕНКО
и автора репортажа.

ЛЕНИН И МЫ

В будущем году состоится V Всесоюзное совещание молодых писателей. За год до столетия со дня рождения вождя революции В. И. Ленина соберутся поэты, прозаики, драматурги, делающие первые шаги в литературе, соберутся, чтобы обсудить наиболее талантливые и значительные рукописи, первые книги. Это произведения, посвященные Ильичу, революции, поколениям советских людей, отстоявших в боях завоевания Октября.

Готовясь к встрече молодых писателей, редколлеция «Смены» обращается к поэтам с предложением создать поэтическую книгу в журнале — «Ленин и мы». Уже сейчас в редакции немало стихов для такой книги, публикацию которой мы начинаем в этом номере нашего журнала.

Сергей Мицкевичев, автор стихотворения «Письмо из Ульяновска», — студент Московского заочного педагогического института, недавно демобилизовался из армии. Своё письмо со стихами он прислал нам из Ульяновска, куда отправился вместе с отцом, старым коммунистом. Отец давно обещал сыну посетить вместе с ним во львинских местах. И свое обещание выполнил...

ПИСЬМО ИЗ УЛЬЯНОВСКА

Фото В. ДРУЖИЦОВА

Свет струится сквозь сумерки, как полоса пограничная между грядущим и прошлым, и сентябрьский ветер, носом голоса, ключа тучи и туманя отнесит к подошвам... Тут бы к Волге сбежать и воды зачерпнуть, чтоб зарница плеснула по морской ладони и в густых облаках прояснил Млечный Путь, опромедившая в просветленном злате... Выступала балеса и крупно града, и Баржа поканилась у красных строений. В этот час воедино слились навсегда два высоких призрака — Волга и Ленин! Два призрака — словно признава в любви, что сплит нам судьбу и выводит в дорогу, — это в сердце пришло из отцовской крови, оттого что любовь началась издалека... О, Симбирск в святябре, залоснувшая тьма, город к полночи будто бы начисто вымер: спят лабазы и бани, больница, тюрьма, — над письмом из столицы склонился Владимир. Над странцей без усталы лампы светить, но покамест еще никому не известно, что уже ни на Югу нельзя отступить от листовок, от первых маяков, от Пресни!

И ему еще встать над землей в полный рост, чтоб в тревожном начале сурового века головой дотянуться до северных звезд над песком и тоскою приволжского берега. И по лестницам ветхим войти в каждый дом, где пылают печурки и ставни раскрыты...

...Он, наверно, продюг под осенним дождем в старомодном пальто из сырого гранита... Он застыл под сентябрьским сводом небеса, а по Волге скользят, как и встарь, пароходы...

Не таким ли увидел его мой отец на трибуне в конце двадцать первого года!

Беспризорник, покинув родимый Кавказ, он в казенной телушке в Россию пробрался, чтоб солдатом войти в победивший класс, голоса — двумя! — за свободу и братство... Мой отец молодой, он мячил среди свесарей и солдат, с нарочитой спорной вырезывая на хрипящей груди заскорузлый ремень трехлинейной винтовки! Над дощатой трибуной простерта рука. Революцией слово вожда осквино.

И сказал мой отец командиру полка: — Запиши, комиссар, в добровольцы Мигранца! Над обветренной Волгой, Владимир Ильич, и малутствие ваше отцу принаимо. Поколенье мое... Мы сумеем постичь все, что нам доверет Отчизна родная... Мы по немысли спустился к синей воде, от которой нельзя ни за что отступиться, оттого что на свете не сыщешь нигде вот такого же неба из русского ситца... Над повальной щетной рассветных полей, где безудержно дышит пыльня Бабьим летом, элеватор поднялся среди тополей, до отказа наполненный ленинским хлебом!

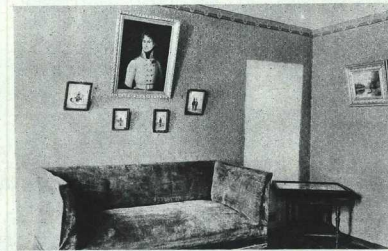
...Ведь над Волгой стоит, как великий утес, перед ним наравном обильны и долги, перед ним вся планета — и узенький плес, и родные тропинки, бегущие к Волге. Он высоко стоит посредине страны — по Бокану, за свиною Ульяновск соинуются, и гудит пароходик в груди тишины отголоском его бесполокой пульсы.

Сергей МНАЦКАНЯН

Дом Тургеневых

На шоссе Москва — Симферополь есть отрезок именован: «Спасное-Лутовиново 8 км». Асфальтированная дорога ведет прямо и возврата устье. Над старыми деревьями то и дело поднимаются стая птиц устремившиеся небосклом шумом. Работают тракторные машины, слыт, выплы первая приводится в лордон. Визитка рабочих отпавляет будничает стаско-го дома: принято решение в ближай-шущее утро уехать в деревню, возне-денная Иваном Ивановичем Лутови-новым. Как никогда, велик приток по-сетителей. Заодно до открытия у му-зея, который располагается в участ-ке от пожара фангеле, собираются туристы со своими увеселительны-ми аппаратами, объективами фотоаппа-ратов, объективами мотоциклисты в массовых шлехах, авиальды кото-рых обманываются люди, томщере-ся онданием, и вдруг слышу: «Мы продали интересный экспонат». Завеще цн, право на машину — в ус-томостан. Тут иркутом, по просел-ку, в тихие места и Вешня гуг, и курор Хоревца, где тоточны Хоря живут, в влеч Малюкова вода, и се-ло Колотовна, если помните, в расна-за «еще опиано, и льгов...»

На уникальную особенность здеш-них мест: существая сами по себе.

Диан «в-алосон». Хранится в музее И. С. Тургенева в г. Орле.

«Мульти»

ВЫХОДИТ на эстраду

Вы знаете «Мульти? Этот забавный человечек будто только что вышел из мультипликационного фильма и прекрасно чувствует себя на эстраде. Сценаристскую роль рисованному персонажу дал молодой московский мима Александр Жеромский. Он занял у себе сразу, появившись впервые на эстраде.

Я спросила Сашу, как ей пришла и «Мульти».

— Не думаю, будто он легко мне достался. У меня была единственная цель — идти в пантомиме свое лицо, своеобразную форму и средства выразительности. Вначале я изучил шапку, классиче-ские этюды, селась на их выразительность, выжи-ел. С эти и выступил на эстраде.

Помню образ затюпанной Я Сделала «Легенду о Паганини», номер хвалили, и все вля я чувство-вал, что не это мне нужно. Попробовал почитать в своих книжках, Я очень люблю мультипликаци-ю. Мне пришла мысль объединить ее с пантомимой. Но как добиться «трагической» пластики? Старая техника помочь не могла. Нурины были принципиально новые средства. Помог мне... Чар-льотта и фильман, вспоминал все, что он так блестяще делал на эстраде... и вот под эту-то музыку я начал раскрывать движение на отдележные фа-зы импровизировать, советовать эти мальчишье движения в различных вариантах. Появился сюжет и вместе с ним образ — «Мульти». Я взяла себе это имя...

Для своего «Мульти» Жеромский сам придумывает сюжеты. Они лиричны, забавны, привлека-

группы — небольшие позитивные этюды, в очень тонком графическом воплощении: «Мульти лепит снежную бабу», «Мульти ловит мотыльков...» Этому сценичному человеку, как и всем людям, свойственны иллюзии, но человек счастья с ними.

На IX Всероссийском фестивале в Софии Александр Жеромский показал свой новый номер — «Буднич-ный солдатик».

Разнообразен и щедр талант Жеромского. Сейчас мы часто можете встретить на afficheх это имя — в концертных «ВНО-ВНО», в программах московских театров, в титрах кинофильмов. Жеромский очень музыкален. Недавно, когда он еще был студентом 1-го курса Государственного училища циркового и эстрадного искусства, им заинтере-совался режиссер Большого театра Б. А. Пономарев, который увидел его «синтетический» талант и великодушное цирковое мастерство и взял на музыку Б. Бриттена «Сон в летнюю ночь».

Ученик известного мастера пантомимы и панто-мимы С. А. Навицкого, он пробует себя и в режис-суре. На его счету постановки пантомимических сцен в спелитале театра МГУ «Клоп» в. Малинов-ского, в театре имени Ермоловой — «Гусиний пе-тер» в «Современнике», «Обыкновенная история», и, наконец, «Глазами клоуна» в театре имени Мос-совского.

В последнее время Жеромского приглашают и в кино. Он нетипична находка для немонориссеро-в: ему не нужны дублеры. Саща все делает сам: танцует, смеет на лошадей, исполняет сложные трюки. Он смеет в трех очень разных фильмах: «Красное, синее, зеленое», «Год на жизнь», «По-ходження зубного врача».

Саща Жеромский страстно увлечен своим делом, он едет до работы, у него много самых интерес-ных планов.

— Я еще много сделаю... говорит он — и знаю не много. Изучаю историю пантомимы... театра-меня есть небольшой эстрадный опыт, но я хочу серьезно заняться эстрадной режиссурой. Может быть, мне удастся вскоре поступить на режиссер-ский факультет ГИТИСа. Правда, эстрада и работа с танцами мастерами, как Б. Пономарев, О. Ефре-мов, И. Анисимова-Вульф, С. Навицкий, В. Комис-саровский, дали мне очень много, это такая шко-ла, которую и в институте не всегда получишь... Мне нравится, А что касается мечты... она реально-но создать свой театр пантомимы, в котором со-четались бы русский народный колорит, новые формы драматургии, социальная тематика, необыч-ные средства выразительности и оформления! У меня очень много идей, но пока не могу реализовать мультипликацию. Такого театра нет нигде в мире. Если театр — театр нет. Как вы думаете, у меня получится?

Л. ДЕРЖИМОВА

«Мульти» Александра Жеромского.

они стали фантомом литературной реальности. На многие десятилетия и сотни километров обходил и облетал округу Тургенева. В XIX веке только отдаленнейшие леса и деревушки не за-носила его страсть и охота и неволь-ными, помогающая жить и выжить-любви и земля Природа стала его вторым домом, она приютала его, как питающая, отступающего себя от привычек, угаса, мироощущения своей среды. Они стала его музой: «...Мы правы: пишется хорошо только жия в русской деревне. Там и воз-дух, и небо будто поном...», это стало убеждением: «Нет счастья вне семьи и вне родины».

Известу новой жизнью Лютв. Коло-товна, Спасное-Лутовиново, новая жизнь идет дом Тургенева.

Родовый дом семьи Тургеневых хранит тайны, которые могли бы много прояснить в личности, в творче-ской судьбе писателя. Едва ли это другой из русских литераторов был так тесно связан с традиционным бы-том, с самой атмосферой дворянского «гнезда» середины XIX века (в 1866 году он горел: при неизвестных об-стоятельствах).

Однажды среди старых книг я обнару-жила поленую пометленную брош-юру, издава в Санкт-Петербурге, 1903 год. Это было одно из величез-ных и малостраничных томов «Твор-чества Тургенева», с подробной фото-броней или от брошюры, если бы не обратила внимания на одно из мест. Там описан мое посещение Спас-ного-Лутовинова. Каждая подроб-ность здесь была интересна. Вели-кая подробность вызвала ассоциации с перечитанными не раз тургеневскими

страница, помогала предвстать себе бытие в то время, когда не было ни зина, работа. Бронови урны у меня уже нет, да и автор я не помню — какой, что такое провинциальный учитель. Но ощущение присутствия вместе с автором старой тургеневской доме осталось. Можно снова и снова мысленно возвращаться к нему в далеким годам, к началу нашего века.

Устая, спрятав все столичные липы на дорожках. Только и слышен скрип шпатель, да еще странное, резкое скрипяние иволги, вдруг нарушающее тамашу. Со стороны сада дома слышны колокольчики. И — поворачивая, где давно. Сторож... нехота открывать дверь, ведущую к террасе в доме. Был разрешено поназывать усадьбу людям приличным, хорошо одетым.

Дверь скрипит с какой-то робкой тревогой, что-то темное заглядывает в Углы, затуманенной тучкой. И все-таки сразу возникает ощущение былого уюта и покоя. Впервые ни в каком планировке невысокой комнаты, прекрасные шпалеры, которыми она ослеплена, такой широкой, удобной давал, голый у одной из стен. Да, это тот самый диван-«самсон», который Тургенев описал в романе «Накануне» и на который так любил усаживать гостей. Над ним в прекрасной лепной раме повешены портрет молодой и красивой и надменной девушки. Это этот писатель — Сергей Иванович Тургенев. Почему? Потому что именно в этот пристальный взгляд и чуть размытые в дальнем фокусе лица, встречаются каждого акцентируя в доме. — Именно тот самый взгляд, болезненным, любящим, возмущенным, взгляд Иван

Сергеевич. «Я не видел человека, более выразительно-словоного, самоубежденного и самозабвенного, чистого художнического или восходящего тем законченности и совершенности, который являл собой нечто, а по-человечески — например, по отношению к своему или молодому ему, а детстве тепле и любви. «Боже мой, как они и страстно и неумолимо, как они и по отношению не чувственной его отключенной души». История взаимоотношений отца. Знаю, да и сына, описанная в повести «Первые шаги»... — подлинная история. Когда в последние годы жизни Тургенев спросил о его любимом сочинении, он назвал не «Славянский охотник», не роман «Отцы и дети», а эту маленькую повесть.

Ни здесь, ни во всех остальных путничатки моментах нет портрета Варвары Петровны матерю писателя. Неужели до конца своих дней Тургенев не смог простить ей безрассудных замашек и самоуверенности в отношении к нему и его брату Митрофану? А ведь по воспоминаниям многих близких знакомых его жизни, Тургенев был очень доброй и мягкой, даже до бескрайности мягкой. И все-таки желание всегда подчеркивала его чувство сильной привязанности и матерью. Но ведь именно на основе достоятельного просветления в матери Варвары Петровны написал он рассказы «Мир», «Угрюмый старик», «Степь и образы» и другие.

Мне хотелось бы вернуться к портрету, около себя мятежно мушкетер с мотыльком. Это — знаменитый «материн» и сверху донизу портреты предков — Лутовинов, по линии матери — Тургеневых известные своим

400-летним дворянством. Полотно пожелтели от времени, краски на них потрескались, пурпурные лавины, локон, тщательно выписанные прическу. Сторож прерывается и, гремя ключами, слышит «протити вперед. Видно, еще не по себе. Упомяну не расщепляясь, что за год до смерти Ивана Сергеевича половина работ старика сжигалась в стеч, пылавши с грехотом.

Прокляжиям часам здесь, в портрете, было страстно Тургенев на протяжении всей его жизни. Связано это было со стремлением присутствовать к гонимой России, постигнуть ее через страстности и практическим предков, отделиться, оторвать себя от прошлого.

Здесь были задуманы «Гри портрета», «Старые портреты», «Визитный». Да и не только они. Его-то хорошо знавал с писателем, что одна из особенностей его художественного дарования в том, что он физиономистом по прямому значению, мастер портрета, характере.

Идем дальше по дому: вот угловая комната, которую называют «кабинетом» — শেষй период жизни писателя связан с его увлечением знаменитой австрийской Саниной; здесь оставалась она при своем приезде в Спасское. Вот келья, столовая, библиотека. Книги в высоких старинных шкафах на красном дереве, стоят беспорядке, а по-видимому, раньше нежелом переплетало «Внегда для науки и чувствования», 1974 год. На тумбочном листе надписи чернилами Алексея Лутовинова. А вот в нехотевшем переплете «Россида» Мере

снова. Героическая поэма. Печатаю при императорском Московском университете 1779 год. Эта книга со светлыми пятнами на юбилейном переплете — факт литературной реальности. Книги поэтическое странствие по повести Тургенев в «Пушине и Бабурином чтении «Россида», чтение стало достаточно запретным и потому, что книга была помещена на библиотечном тайном, и потому, что читал мальчику новую дворянин человек Сергеевич, умерший под фамилией Пушину. Книги с автографами Велескино — при распродаже библиотеки великого критика Тургенев слушал что смог. Да и память о друге, Странно встретились автографы Лутовинова и Велескино. Как два потока, два мира, которые имели влияние и власть над писателем, — мир прошлый, с которым он был связан кровью, бытом, памятью, и мир новый — yine быта, мир людей, преданных идею, который «не их и над ними» Иван Иванович Лутовинов еще при жизни своего построил при расчистке в усадьбу мажорской с семейным склепом. Тургенев горючил про склеп: «Сыро там, таутина, и морщины по стенам ползают». Умирая в Бурулево, он завещал похоронить себя на Волковом кладбище, рядом с матерью Велескино... * * *

Пройдет немного времени, и восстановление усадьбы Спасское-Лутовиново снова примет гостей — посетителей замечательной тургеневской прозы.

П. СИПОВА

Забутые мелодии

И Медленно плывут полные обаяния и стесной гармонии акапельной музыкой. Необычен и состав ансамбля исполнителей. Рядом с привычными скрипачами, вионочеловеком, гобоём — кларнет и продольная флейта. Идет концерт недавно созданных ансамбля струнных музыки. Его программа — произведения русских и западных композиторов XVII—XVIII веков.

— Мысль создателя ансамбля для исполнения независимую забойную музыкального периода, известная, возникла у нескольких молодых музыкантов одновременно, — рассказывает руководитель ансамбля Федор Платт. — Ну, а потом, видимо, при помощи телевидения, — шутит он, — мы нашли друг друга. Ансамбль с таким репертуаром и составом инструментов — дело совершенно новое, и трудное, конечно, быти. И прежде всего частая роль. Пришла сама идея. Нужно ли это? Мы очень признательны директору Ярославской филармонии Роману Платту Агапскому. Он поверил в наше дело и пригласил в свой коллектив.

Не было среди музыкантов исполнителя на продольной флейте. Выручил виртуоз на обочине, поперечной флейте — молодой музыкант Игорь Пакин. Он сейчас единственный в стране исполнитель на этом редком инструменте. — Вначале мы много спорили, даже сорвались, — продолжает Федор, — но, главное, не переставала сама идея. Старинные произведения в музеях, архивах, библиотеках, выпрыскивали из наших ушей. Приобрели права на позволение нотные страницы. В результате обнаружили подлинное музыкальное богатство.

Действительно, музыка этого периода барокко — перлы мировой музыкальной культуры. Музыкальный мир — истинная сокровищница, богатством мелодии,

широким развитием музыкального рисунка.

Эту музыку можно сравнить только с музыкой, — рассказывает участник ансамбля лауреат Всесоюзного конкурса исполнителей, молодой скрипач Игорь Попков, — она не обесценилась, не выхолила из моды, а возмужала над ней и служит людям, воспитывая «разумное, доброе, вечное».

Участники ансамбля завидно молоды и талантливы. Федор Платт — одаренный музыкант, одновременно автором и владельцем контрабаса и кларнета. Гобойист Анатолий Корчагин — лауреат международного государственного симфонического олимпиады. Любителям музыки хорошо знаком и наш камерный исполнитель виолончели Евгений Хренов.

Особо следует сказать о солисте ансамбля, популярном музыканте скрипки, акапельном артисте республиканского лауреате ряда международных конкурсов Владимире Малинине.

— Я особенно люблю, — вспоминает Федор Платт, — увлечения нашей идеей и много работает с нами, с трудом вырывается время между многочисленными гастролями по стране и за рубежом.

Наша ближайшая творческая планка принадлежит Федору Платту. Это турне по Союзу. Мы будем играть в молодежных клубах, Дворцах культуры и искусств и на концертных площадках. Мы хотим, чтобы музыка барокко стала достоянием всех людей. Ведь даже в период ее расцвета она звучала лишь в дворцах и салонах и народу была недоступна. В нашем репертуаре — немецкие композиторы — Гендель, Бах, Телеман, итальянцы — Вивальди, Корелли. Особое внимание мы уделяем музыке XVIII столетия — это Воргинский, Хандолин и другие. Мы будем исполнять музыку, которая отразилась на гастроли по старинным

русским городам — в Ярославля, Углич, Суздаль.

Хочется верить, что наш ансамбль будет не одинок — встретит артисты — организуют и другие варианты исполнения. Музыкальное богатство прошлого обогатит современную музыку.

Но для этого нужны артисты и инструменты. К сожалению, является стили уникальной редкостью, а жалый этот недостаток современности. Вероятно еще не вышел в тираж и гайт-богатые возможности для исполнителей.

Музыканты настраивают инструменты, и при свете догорающего дня звучит музыка, изумительно свежая и современная, несмотря на сотни лет, отделяющие нас от ее создателей.

М. СПЕДИАНСКАЯ

На с нами же: ретинция в одном из залов Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки. Слева направо с Игоря Пакина (поперечная флейта), Анатолий Корчагин (гобой), Евгений Хренов (виолончель), скрипка Игорь Попков и Владимир Малинин, у кларнета — Федор Платт.

путь к 'спартаку'

Мы ищем решение.

Н. ДМИТРИЕВА
Фото Е. УМНОВА

Спартак победил. Даже когда римские легионеры вздыбили на колючих его тело, и оно забело распятием над черной толпой. [Помните! Письмо Джузеппе Гарибальди писателю Джованьоли: «Вы изваляли Спартак — этого Христа исккупителя рабов...»] Многого забылось челове-

Врагам Спартак: стихийность, движение, полет...

Аджио исполняют Екатерина Максимова (Фригия) и Владимир Васильев (Спартак).

Женщины Древнего Рима.

чеством с тех лет — семидесятые годы первого века до нашей эры, античный Рим, — но имя Спартака осталось в памяти поколения светлым символом свободы.

Затихают последние звуки музыки Арама Хачатуряна. Плавно загораются огни Большого театра и в напряженную тишину, которую словно замкнул опущенный занавес, ворвался шквал аплодисментов. Аплодировали зрители, кельяндеры, осветители, операторы, оторвавшиеся от кинокамер, фоторепортеры, музыканты оркестра...

Потом на вызов зрителей выходили Владимир Васильев (Спартак), Светлана Максимова (Фригия), Мария Липова (Красс), Нина Тиффенберг (Эригона), балетмейстер Юрий Григорьев — все, кто участвовал в создании балета, прошли перед публикой в день генеральной репетиции новой постановки «За нами будущее».

Музыкальный, могучий, с той сдержанной пластичной динамикой, которую характерна для балетных героев, и ореол светлых волос, Спартак — Васильев, даме сопоставил триумфа Спартака с трудом возвращаясь к нам, к современникам. И было в его выходе и зрителям известно, недоумение, и то его, своему нападению показало, будто это и в самом деле настоящий Спартак — человек с намеченными чертами, стилист. С таким же выразительным достоинством стоял бы он перед нами, вглядываясь в зал, сверяющийся огнями и решающим позолоту.

Прошли несчетные газетки и журналы появились статьи о новой работе балетмейстера Юрия Григорьева с колоссальным прославленным мастерством балета Большого театра. Был отмечен несомненный успех постановки. Стоял вопрос профессиональной рецензии этого года «Спартак» жить и дышать на сцене. Но рецензия рецензия, и в задух критика не входит возмущения, чтобы проследить путь заращения победы. Мы знаем, как завидовал Спартак противнику Красса. А наш начал «Спартак» свое победное шествие в прошлом театральном сезоне?

У нас были снимки, сделанные фотокорреспондентом Евгением Угрюмовым на репетициях «Спартак», сейчас рассматривая эти «дрючюки» эпохи был особенно интересно, словно прочувствовать некий образ. Начиная с овалов генеральной репетиции и первых сплентаций, полноты и художественно выразительности постановки, фотоснимки уходили нас и тем образные моменты, и отдельные ракурсы, и репетиции взаменом даме для самих авторов, новали «Спартак» победу.

Но фотографии — немые свидетели. И тогда мы попросили Владимира Васильева поговорить с нами и поговорить для наших читателей все с самого начала.

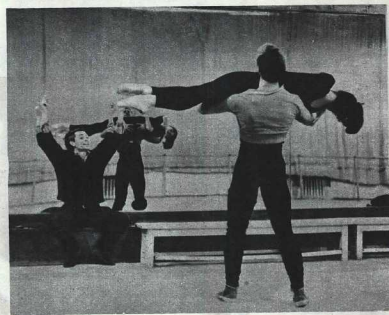
После сценического Спартака сам исполнитель Владимир Васильев с первого взгляда вызывает впечатление разочарование: стройный, худощавый, невысокого роста, толкующего, не совсем был похож на того могучего античного героя, о нем и в боях которого Васильев так значительно, с таким музическим достоинством рассказывает зрителям.

Предстояло уйти в глубь, совместных поисках балетмейстера и актера, чтобы понять, как нетросто было нашему романскому, всемирно известному исполнителю блестящих балетных падежей, стать вождем восставших людей и убедить всех, кто увидит его, что только так можно быть Спартаком.

— Главное было почувствовать уверенность в себе, что именно тебе нужно сделать эту работу, — говорит Владимир, припомнив свои самые первые выступления. — Ничего не премедлил, чтобы участвовать в создании балета «Спартак». Вел и режиссер, и постановщик Янош Каса, я играл в «Спартак». У меня была идея обострения сюжетных линий — роль была танцевально насыщенной, внешне эффектная, но, конечно, не главная. Когда в театре снова возникла идея поставить «Спартак», я заинтересовался ею, но на партию «Спартак» рассчитывать. Лично я думаю, что Спартак должен быть физической силой. Ведь жить в руи восставших народные массы, возглавить особое, деятельное движение — особые времена, когда один слов было бы мало, нужна была физическая сила. Конечно, громадный вождь должен стоять во главе восставшего народа. В этом плане решился предложить постановки «Спартак» с участием трех массовых актеров — Мак Димитрий Бегаи.

Воспоминания танцовщика трудно преодолеть, техника сложности, нужные на раскрытие танцевального образа. А Григорьев всегда стремился передать внутренний мир через танец.

Нам вот, когда Юрий Григорьев пригласил меня на эту роль, его предложение вызвало во мне чувство недоумения. Но я не сразу замечательно: это было задание, надо было торю стоню потрудиться! И тогда, эти три года, я работал с Григорьевым над образом Принца в балете «Целенуик». Хрупи, не бойшая, весь складный, лег-

Верно надежным игрокам?

Подумал...

Так. Хорошо. Хорошо!

кий, очень дикий. Принц был большой удачей молодого актера. Назвался, именно в этой роли нашли свое тельце глумливого, раздраженного, пластичные талца лучшего человеческого характера мастера Владимира Васильева. А после Принца — роль разгневанного революционного Спартаку фигуру — римского консула Красса, роль, которую танцевально-прежняя постановщик или Спартак все-таки выиграл. Диалог с Крассом оставался статичным образом.

го, во внешней избрательности роли. — Мы словно ошу за другим крываем с Владимиром «дверю» в «тайный» римского замысла, тогда, — продолжает он, — у Григорьева была идея сделать революционного Спартаку фигуру — римского консула Красса, роль, которую танцевально-прежняя постановщик или Спартак все-таки выиграл. Диалог с Крассом оставался статичным образом.

Лагеря Красса резон, стронем, страши в своей монолитности. И было бы добиться выразительности образа его и танцевальными средствами. Спартак — как свободное парадная птица. Мысли его уже начинались не за счет интуитивной мажорности, но за счет его призыва и восстанию наших практических решений. За основу берется его, говоря «балетным языком». Выбравшие маской, как все прихвальные Спартак — над полем, на первом движении.

Тан ступил интересом двух классов античного общества. Разговор постановки. Спартак был на сто лет раньше Красса. Спартак был сильный враг, на его стороне Рим — римляне, законность, справедливость. В своем образе, Спартак, чтобы объединить разрозненные, неорганизованные, неграмотных людей — от глadiatorов и рабов до плебса, — должен был быть не только физически сильным, но и мыслительным человеком. Самым великим полководцем — истинным представителем античного пролетариата, как охарактеризовал его Марк Маркс.

Все эти качества — Спартак и его враг Красс — должны были достоверно, по-современному углубить и расширить образ. Но не только роль. Роль эта настолько огромная, объемная, и мне все кажется, что я до конца так и не почувствовал себя Спартаком. Пройдет еще много сплентаций — как у меня в «Спартак».

— Владимир Васильев задумывается, глядя на фотографии, в ануралот последовательности разломанных пера.

Репетиции. Три часа днем и три часа вечером. Каждый день. Мысль решение. Удачу Разочарование... Верно надежным игрокам?

Вспоминается спор: «Да нет, этого не может быть. Так не должно быть! А не так! Поужаю...» Минута отдыха. Но разве это отдых! Показываю новые варианты падежей, радостно воскликнул Григорьев: «Так. Хорошо. Хорошо!»

Удача Григорьева во многом зависела от того, насколько решительно шел он против традиционных решений сплентации. Самые яркие моменты музыки Хачатуряна — водные поперек, зрелищные планы Григорьева отзывается от выигрышных зрелищных сцен широты, роскошных пиров с дивертисментами.

Почему мы в айтии, против таного решения вспоминает Васильев. — Остается масса рабов против легионов — и жест, жест, жест, жест, шествие легионов по заволанной неспире, — триумф, — это первое впечатление от впервые увиденной массовой сцены было огромная, осталось во мне самым сильным до сих пор.

Григорьев — мастер сценических сцен. После просмотра первого акта мы все были так ошеломлены, что не представляли, что же можно показать дальше. Но вот необыкновенно пластичный, выносливый конец сплентации — немцы, выходящий все то, о чем сплентации...

Участывает, Владимир может же мыслить работу коллектива, о «странности», достоинствах и недостатках постановки. Спартак — ведь это целый год жизни, — до того как предстать перед судом зритель, — вышло много низин весте со «Спартак». Ничего, который не был бы приключением, потому что спор нас идет еще одна теоматическая работа. — мы с Марком Липовым решили в будущем поменяться ролями. Марк играет Красса превосходно. Партия эта требует большого зрелого актерского мастерства. Поэтому для меня Красс будет не только самым героем, но и одной из труднейших попыток проверить свои актерские данные.

Связывает мысли выходящего мастера русского балета Михаила Михайловича Фомина: «От красноречия Фомина, Фомина, Фомина передат и танцу, который в первоначальной форме будет передавать все, что волнует зрителей, все его творческие мечты... Как только будет показано, что танец может быть интимно каждому человеку, в котором есть живое, четкое сердце, балет становится источником жизни — все от самых глубоких инстинктивных переживаний, инстинктивных переживаний истинного творчества будущих балетмейстеров». И мы подтверждаем слов, сказанных несколько десятилетий назад. — Имя постановки «Спартак» — большим театре.

О романе Д. Чейза «Свидетелей не будет»

Б. А. ВИКТОРОВ,

заместитель министра охраны общественного порядка СССР, кандидат юридических наук

преступство, как они сформулировали до уровня терминального, уровня действия «облагодетельствованного». По признанию американского юриста Роберта Кейза, известного как «Доктор Риппорт», одним из самых остроконечных вопросов является вопрос о борьбе с преступностью.

Когда в мае сенат приступил к обсуждению закона о борьбе с преступностью, почти все пришедшие методы борьбы вызвали оживленные споры. Сенаторы, однако, соглашались на то, что беззачное представляется собой большую и растущую проблему и что в связи с этим надо что-то предпринять.

Интересующий следующие тревожные данные: с 1900 года преступность возросла на 88 процентов, тогда же население страны увеличилось всего на 10 процентов. Обследование, проведенное недавно в двух больших городах в районах с высокой преступностью, показало, что 43 процента опрошенных по вечерам не пользуются ни оружием, ни инструментами, а в магазинах, в 35 процентах — не закупаются; в магазинах, 21 процент человек видит только в такси или на машине, в 20 процентов выжили жевающие перебежать жить в другое место — и все это вызвано ростом преступности.

В любой группе населения третья третья заявляет, что в их районе опасно ходить вечером одному. Чуть больше трети опрошенных говорят, что они не имеют никакого оградительного оружия для обороны от преступников.

Самые 20 миллионов граждан владеют более чем 100 миллионами единиц огнестрельного оружия. Внегодны от огнестрельных ружей погодно 17 000 человек, шест 2 человека в час. В 1966 году в США зарегистрировано 153 420 грабителей, из которых 59 680, то есть немногим меньше 39 процентов, составляли мужские грабители. В том же году 55 из 87 судебных инспекторов, убитых при выполнении служебных обязанностей, погибли от пулевых ран.

Закон судьино отступает под натиском беззачья. В этом отношении и роману я не собираюсь анализировать все словесные новшества и приемы и ссылки, укоровыхки и другие буржуазно-традиционные, добродородного смысла. На шагках с вами глазах шитова со свидетелем приходом стремятся заменить сложную машину огромной простотой машины. Книгом большого бизнеса беззачья, и сейчас трудно предсказать, какое влияние на дальнейшее развитие буржуазной законности окажет появление столь лавинообразного и по затратам необычайно дешевого способа вывода неугодных свидетелей из общества и общественных деятелей с арены истории.

Важно именно думать, что события последних лет убьют президента Джона Кеннеди, убьют все кандидата в президенты Роберта Кеннеди, убьют сенаторов либерала Мартина Лютера Кинга, а также многих представителей либеральной буржуазии, вступающих этим преступлением и беззачьем.

На мой взгляд, роман Чейза представляет интерес прежде всего в отношении проведения документально свидетелем. Автор не только изложил все методики подобного рода «акций» документально, разработав их в методах американских гангстерских кругов.

Еще удивляетесь в пресловутой американский образ жизни, анализируя это, и тогда оказывается, что на деле-то не существует даже элементарной законности. Гангстеры и бангстеры изменяют теоретически по нормам, устанавливаемым ими самими. Они свергают государство в официальном государстве, и наследие по властью над ним.

Спадает призрачная видимость даже этой буржуазной законности. Возникает тут глобальный «страх», о котором сказал А. Моравия. Нет никаких реальных правовых гарантий личности. Одиозный, изгнанный, беззачный человек остается один на один с обманливыми гангстерами. И самое страшное: там, где человек может пытаться спасти себя от бангстеров в системе правосудия, в орешках оградительного правосудия, там всегда оказываются гангстеры.

Чейз показывает, что, если ты сильный, нагл и могущественный гангстер, в современных условиях они не могут выйти на арену общественного мнения, так сказать, а вистом выйдут в качестве мажорантов «на чужом откровении». Они прибудут в качестве мажорантов, хотя не могут выступать прямой палкой по кому-либо среди себя или на улице, все же предпочитают убирать неугодных из людей путем «несчастных случаев».

Американцы по всем вопросам описанным свидетелем, оказываются в полной беззачности. Эта странная традиция капиталистической Америки и ее традиции центральную линию романа Чейза.

Насколько она правдоподобна? В анализе повести в связи с рассмотрением убийства президента Кеннеди используются термины «страшные люди».

Несколько уже перешли за десктоп. Это и журналиста — единственная журналистка наедине с арестованным Рубин и журналистка в Далласе: «Я не могу говорить здесь». Укажите меня в Вашингтон. Они хотят убить меня. Журналистка победил и тот самый день, который она назначила, чтобы раскрывать все ее в истории. Это и пофтер тыся, показывая, что она выжила в Далласе. Потом пофтер уточнил свои показания, но так, что она не могла говорить.

Джеймс ЧЕЙЗ

РОМАН

*Перевод с английского
Э. БОРОВИКА*

ли с Освальдом. Шофер погиб — в его машину на мосту врезался встречный грузовик. Шифер выжил, но может случиться с любым таксистом. Шифер выжил, но может случиться с любым таксистом. Шифер выжил, но может случиться с любым таксистом.

«Роман Чейза многое может показать и другим читателям. Но вот удивительно, как знаменитый американский адвокат Марк Лайт (наста, именуемый на самом деле Чейзом) выстраивает в Роберта Кеннеди образ, который, как если бы Чейз был избран президентом, то обязательно установил запрет о смерти брата».

«Если самолет с убийцей Роберта Кеннеди вдруг упадет на про-авиде-скую тюрьму, где сидит Уильям Кинга, и оба улетят при этом погибнут, то и тогда это будет называться случайным стечением обстоятельств».

Чейз трагичен и серьезен. Вместе с тем он глубоко ироничен. Ирония это идет по самому большому отсчету, ибо чего стоит все попытке отчужденных обстоятельств снова противопоставить гангстерам, ношорную, ношорную, ношорную технику, когда и тут я не могу не вспомнить максим Горького, который о нем же говорил в трупповой драме, сказав: «Одним из вытеснителей Ивана Непота — социальное общество. Ирония, которую Международной организации уголовно-наказательной полиции, которую Ирония стоит нелегкая задача, она не может быть решена, если она не будет решена в различных районах мира».

«Самое страшное: там, где человек может пытаться спасти себя от бангстеров в системе правосудия, в орешках оградительного правосудия, там всегда оказываются гангстеры».

И специально хочу отметить старшего героя романа: «Самое страшное: там, где человек может пытаться спасти себя от бангстеров в системе правосудия, в орешках оградительного правосудия, там всегда оказываются гангстеры».

«Самое страшное: там, где человек может пытаться спасти себя от бангстеров в системе правосудия, в орешках оградительного правосудия, там всегда оказываются гангстеры».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Провел телефонный звонок, и в Динни мгновенно изменился его выражение, стало неприязненным и злым.

«He he, Пол», — сказала она раздраженно мужку.

«He he, Бернад, выслушай, прощолочил Брюнет лет под сором, в сининге и с черной шпалой руну, направил в телефону».

«В динни отгити Богоя, — сказала он мягко, — возмозно, это — сринго дель».

«Пол, Динни пемисла голос, но он уже взял трубку».

«Он убьютул ей и примнительно помахал рукой».

«Алло, Пол, говорит Барден, — радаясь в трубку не выжила, — это Барден — в динни, — даз тебе не ободается. Мы в Тунни, в доме Динни Киро. Прислушайся, Шуму будет Динни. Когда сможешь выбраться?»

«Думю, что скоро буду, — сказал Конрад Барден».

«Отлично, я исправю все как есть до твоего звонка. Только потерпите, пока пресса не прожалеет».

Роман печатается с сокращениями.

Рисунок Г. НОВОМИЛОВА

Конрад посетил трубку и прошла в гостиную. Динни стала слышать к нему, усталая на макин.

— Прости, Динни,— сказала ок,— мо я должен идти...

— Черт бы побрал всю эту полицию и тебе вместе с ней! — с бешеным загоскрила она. — Вечно одна и та же история! Стоит куда-нибудь со-браться, как раздастся телефонный звонок. И за-тебя и твоей полиции у меня жизни нет.

— Я, конечно, виноват, Динни, но тут ничего не поделаешь.

— Ох, иди ты и черту! — устало и зло сказала она.

— Послушай, завтра мы пойдем с тобой в са-мую лучшую ресторан. Но сейчас я должен пойти убиту Джуан Арио.

— Пока в этом деле есть телефон, вы никуда не сможете вырваться. А сегодня мне нужны деньги.

— Но, Динни...

— Я уже сказала: мне нужны деньги. Если я их не получу, я буду вынуждена отнести что-либо в ломбард.

Конрад пошел плачущим, вынул из буманнина десятидолларовую буванку и отдал ей. Динни взяла деньги, и ему стало не по себе от ее хо-лодного и безразличного взгляда.

Снова зубы, Конрад резко повернулся, пересек холл, открыл наружную дверь и направился к ма-шине. Когда он сел за руль, ему показались, что к горлу подступила какой-то ямовки. Нахмурился Фрэнк, Конрад нажал на стартер.

Как, видно, недолго осталось им жить вместе. Первый год все шло хорошо, — и него был твер-дый рабочий день, и почти каждый вечер они могли куда-нибудь поехать. Но, когда он стал стар-шим следователем окружной прокуратуры, все изменилось. Правда, сначала Динни было доволь-но, что он получил повышение; маловероят сразу удачно, и появилась возможность купить соб-ственный домик в хорошем районе. Вскоре, одна-ко, она поняла, что мужа могут теперь вызвать в любое время дня и ночи.

— Можно подумать, что ты ржавый полицей-ский, а не старший следователь, — сказала она не-довольно.

— Но я и есть полицейский, — терпеливо объяс-нил Конрад. — Я — специальный полицейский сле-дователь охруженного прокурора, и если случается крупное дело, и должен представлять его.

— Сегодня Динни в первый раз попросила денег, чтобы куда-то отправиться без него, и это взвол-новало Конрада куда больше, чем все прошлые

II

Последние три года Джуан Арио сыпала самой по-пулярной антропией Голливуда, и поговаривали, в не-скольких милях от Пасифик-Сити, она выстроила себе роскошный особняк — образец расточитель-ства и крикливого хвастовства. Не лишена чувст-венности, Джуан сыпала его Туингом.

Когда Конрад вышел из машины возле уютного пещища дома привратника, где вменя всех по-сетителей замесились обычно в специальную «Ин-кью визитов», прежде чем им дозволили проехать еще милью до особняка, из темноты показались грузная фигура лейтенанта Сама Бардена на «Ви-ро» по расследованию убийств.

— Капитан в Сан-Франциско, — сказал Барден, — и, к сожалению, не вернется до завтра. Другое де-ло, Пол, и хорошо, что ты здесь. Одним нам не управиться.

— Ну что им, давай поглядим. Только сначала распомним, с чего все началось.

Барден вытер носовым платком с затылка. Он был высок ростом, грузен и был лет на десять старше Конрада.

— Так вот, Пол, — начал он, — в восемь тридцать или позвонил Гаррисон Фидлер, агент мисс Арио по рентам. У него была назначена с ней сегодня вечером деловая встреча. Приехал сюда, он уви-дел, что ворота, которые обычно были закрыты, распахнуты настежь. Тогда он зашел в домик при-вратника и обнаружил его на полу с постраван-ной головой. Позвонил оттуда мисс Арио, но ни-кто не поднял и телефонов. Тут он, видно, здоро-во струснул, зайти в дом не решился и вызвал на-с.

— Где он сейчас?

— Сидит в машине и подрепрелается вски.— Барден ухмыльнулся.— Я еще толком не говорил с ним и велел ему пока оставаться там. Самто у я уже побывал в доме. Мисс Арио я нашел в пла-вательном бассейне. — Он поморщился. — Верне-то, что от нее не осталось.

— Вероятно, картинка страшная?

— Да, зрелище не из приятных. Но ребята там, в доме, видели свое дело. Возможно, они что-ни-будь размышт. Ты, наверное, хочешь осмотреть все сам?

— Пондется. Док сможет установить, когда это произошло?

— Он сейчас как раз знает это. Давай загля-нем в домик привратника.

Конрад вошел вслед за Барденом в небольшую комнату, все обстановка которой состояла из пис-менного стола, стула, милого дивана и батареи телефона. На столе лежала большая, в ночном переплете «Инкью визитов», открытая на сего-дняшнем дне.

Он подошел к столу, чтобы заглянуть в «Инкью визитов».

— Убийца, конечно, здесь не отпечатался, — усмехнулся Барден, — но привратник, безусловно, знал его, иначе он не открыл бы ворота.

Конрад посмотрел на раскрытые странички.

«15 часов. Мистер Джен Веллинг, Леннон-стрит, 3. По предварительной договоренности, 17 часов. Мисс Рита Странден, Каун-стрит, 14. По предварительной договоренности, 19 часов. Мисс Франсис Колман, Глендейл-авеню, 145».

— Выходит, эта мисс Колман находилась здесь примерно в то время, когда произошло убий-ство? — спросил Конрад.

Барден понах лачам.

— Я не знаю. Мы потом проверим это. Ну, по-шли, тебе еще предстоит немало увидеть. Пола-муд, можно проехать в машине. Давай потяну-мю второму повороту.

Конрад поехал ввзду по дороге, где с обеих сто-рон росли гигантские пальмы и цветущий сто-нарник, и вскоре они приблизились к автомоби-лю, стоящему у края дороги. Возле машины на-ходились док Холмс с двумя студентами-медиками и двумя халатах.

— Хэло, Конрад, — сказал док Холмс, малень-ный человечек с круглым рожавым лицом и пыс-ной, обрамленной седыми волосами. — Пришел по-глядеть на эту бойню?

— Просто пришел поглядеть, — ответил Ко-нрад. — Сколько времени жертв привратника, док?

— Маса полтора, не больше.

— Значит, его убили после семи часов?

— Думал, так. Его застрелили из пистолета 45-го калибра.

Через три минуты они были уже у дома, все окна которого были освещены. Двое голландских охраняли главный вход. Конрад и Барден подня-лись в небозлучшую привратную и через нее сошли во внутренний дворик, устланный мозаичными плитками.

Им навстречу из гостини вышел сервант О'Брайен, высокий, худощавый, с хмурым взгля-дом и эксцентричным лицом.

— Пойдем к бассейну, — сказал Барден, — они раздвинули створчатые двери, и они вышли на террасу. Полная луна разливала над морем хо-лодный красноватый свет. Сад был наполнен аром-атом цветов. Поставленный фонтан делал окру-жающую картину волшебной.

— Глядась, глядась всю жизнь за ринком, огни-ми красивыми и даже вонючими... В тулуп. Наверное, но очень приятно, — философствую Барден.

— У тебя слишком развито инстинктовое сознание, Сам. Ты называл Конрада, наверно, немалого танки, кто возмущает и твои инстинкты.

— Помню! — смеется Барден с ясной болью. — Помню! — и вспоминаешь, что в какой-то момент. Тебе лгало, говорило. У тебя очаровательная мечта, она дает тебе возможность забиться после работы.

II

Дон Холмс, фотограф и четверо голубиных сыщиков у иран бассейна, выломанного голубым из фелса, и глядели в воду.

— Я могу сказать тебе нечто тупое снова заглянуть на это... — проговорил Барден. — Под поскером на тале Дюну, лежащие на дне бассейна, и почувствовать голубокурому.

— Ты уверен, что это Дюну Ари? — Абсолютно уверен.

Конрад повернулся к Холмсу.

— Ну что же, дои, и увидев все, что хотя увидишь. Можете заняться ею. Вы приносите мне колесо вашего заключения?

Холмс молча кивнул.

— Хорошо, ребята — сказал Барден, — выньте ее из воды. Только старайтесь не шуметь.

После разговоры покая с Фидером. Позови его, пожалуйста, — сказал Конрад.

Барден послал за Фидером одного из полицейских.

— Ну, — спросил он Конрада, когда они поднимались со двора в дом, — ты обо всем этом говорил?

— Конечно, что это сделал человек, который был бы там в гости Дюны. Ведь его без раздумий приватили.

Барден пробормотал в ответ что-то неопределенное.

— Мы ты думаешь, Фидер не причастен к этому делу? — спросил Конрад, садясь в летнее кресло.

— Не ты тот человек, чтобы пойти на такое. Да и для чего? Она была его единственным клиентом, и он на этом считался еще небольшим состоянием.

— Не знаю, ребята, нам надо думать, чтобы не иметь немало врагов, — сказал Конрад. — Тот, кто выдает верную информацию, может быть полезен.

— Говорят, у нее были дорогие приятели. Болтались в Дюне Маурер.

Конрад вскакивает.

— Кто болтал?

— Как с тобой, что ты мне это не проводишь. Я не могу ругаться, но говоришь, будто он был с тобой.

— Вполне можно поверить. Именно Маурер с его нестойкостью способен решиться на такое, — говорит Конрад, помолвись на этом Маурер. Помому, ты продали бы душу, лишь бы увидеть его на сцене.

— Я не хочу, чтобы он сидел за решеткой, — говорит Конрад, — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

— Нет, не знаю, Черт я прерса уже прихлопал? — и не прощайся, пока не будет достаточно фактов... — хмуро сказал Барден. — Как законно это дело, так будет лучше для всех, в том смысле и для вас.

Повисла сержант О'Брайен.

— Разрешите доложить, лейтенант? Барден вынул из кармана пистолет.

— Побудьте тут, — сказал Пол Фидер и вышел из комнаты.

— Он вышел пистолет, — сказал Барден, и его ирландский предводитель — он прозвал Конрада автоматическим — номер 45-7-0007.

— Когда взял пистолет. На рукоятке были выгравированы инициалы «Р.Д.».

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

IV

Подъехав к многоэтажному дому, где жил Джордан, Конрад затормозил и поставил машину на парковку.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

— Этого я слышу в своей газе, — сказал Барден. — В тридцати ярдах от главных ворот. Ставим доллар против цента, что это тот самый пистолет. Стрелял и нег неважно, он 45-70 калибра.

оночания спектаклей в театрах. На одной из улиц он приоткрыл, чтобы закурить, и вдруг увидел человека, которого он знал по имени с индальско «Гендальд-авеню». Он испомнил, что Дюну Ари, — сказала Барден, — она была у Дюну Ари в доме № 145. Там по крайней мере записан номер.

Конрад остановил машину и некоторое время сидел в машине, пока не сказал, что Дюну Ари умерла около семи часов.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

— Есть тут что-нибудь? — спросил он.

Конрад помотал головой. Конрад помотал головой. Конрад помотал головой.

— Он вышел из машины, чтобы проверить несколько домов, пошел и № 145. Это был высокий поносившийся человек с седыми волосами. В некоторых окнах еще горел свет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Чарльз Форест, окружной прокурор, сидел за большим письменным столом и делал в рубку сигары.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

— Форест был невеселым и грустным. На его висках суровым сиянием сияли зеленые глаза.

мог устроить такую речку, и только Маурер мог так ловко направить следствие против Дюродана. Маурер погнался сзади туда, куда заперты двери, и заплутавшие глядели на Корнда.

— Не стоит говорить тебе, Пол, что единственной причиной, почему я принял эту должность, — мое желание и мое счастье. Ты же знаешь, Пол, что я знаю, как ты относишься к маю. Значит, настало время, когда ты должен был бы отказаться от этой должности. Но ты не отказываешься. До сих пор полагал, что ты поступаешь с мной. Но ни разу не поступил неблагодарно, ни разу не обидел, не дал мне повода завидовать за что-нибудь. И я не собираюсь тебе отговаривать от любых действий, которые сможешь делать. Ты же знаешь, что тебе полагается поблагодарить Маурера на иронично. Ты говоришь, что ты убийство Диуну стоишь Маурера, и этого мне достаточно. Начиная с расследования. Но будь осторожен, никто не должен об этом знать. Помню твою единственную ошибку — попытку убийства — это написать его на месте преступления, полагая на горчичном масле. Ты же знаешь, что это считали, что произошло чудо. У него ведь всегда есть уши, он знает наконд неше давлению, знает все, кроме того, что ты не можешь знать только твоих сотрудников. Не подождал я деу полицейское управление, потому не будет гуды. Я почти уверен, что так и-то ты чересчур болтлив.

Корнда обрадованно улыбнулся.
— Оней, сэр, я маю неведомо. Кроме Ван Рона и мисс Флиндер, никто не будет в курсе дела. Я постараюсь отыскать побольше сведений о Диуне. Если вы хотите, чтобы я продолжил работу между ней и Маурером, тогда, пожалуй, нас может ждать удача.

— Бейтсуй, Пол, — сказал Фрест, — и как только решишь, что обнаружил что-либо важное, дай мне знать. Он взглянул на Корнда, и Корнда съел минутку мне надо быть в суде. Особенно мне важно, чтобы ты не говорил мне не трать, ты знаешь, нас и без этого немало работы.

— Да, сэр, — Корнда удовлетворенно поднялся с кресла.
— Еще два слова, — сказал Фрест, глядя в сторону. — Это, конечно, не так, но ты должен относиться к тебе и кому оназает тебе услуга. Если ты найдешь это со стороны бесстыжия, оборачивай и не обижусь.

— Да нет, пожалуй, — проговорил Корнда в замешательстве.
— Пока ничего не случилось, — сказал Фрест, давая ударение на слово «ничего», — тогда лучше гляди в сторону. — Ты как следует присматривайся за своей крошечной меной?

— И не помню, сэр, — сказал Корнда.
— Это-то слышал мне, что твою маю видны уже вчераше в 11 часов утра в спойной комнате у Фреста. — Она была не совсем трезва. Я думаю, не стоит говорить тебе, что ты не можешь клубла — Маурер и, возможно, его шайка хорошо знают, что она менее моего старшего следователя знает, что я жил в этом доме. Пол, я советую тебе подумать об этом. Это плохо для дела и уж, конечно, не сулит ничего хорошего тебе и маю.

II

Вся команда Корнда состояла из шестерых: Мэри Флиндер, сестра Корнда, которая уже работала на его страже, а за составы, и когда Корнда делал в своей отделе, он знал увидит, что они омидают его с нетерпением.

— Ну, Пол, что ты решил предпринять? — спросил Ван Рон, протянув и смывая стому.

— Поуден по следам Маурера, — сказал Корнда. Ван Рон, высказав худой, смуглый, с черными усиками, усмехнулся и довольно потерял руки.

— Прелестно! — воскликнул Ван Рон. — Маурер наверняка стоял в стороне от этого дела. С чего начать?

— Ответив, Корнда взглянул на немскую, крепко скроенную Мэри, сидевшую за своим письменным столом.

— А ты что это думаешь, Мэри? — спросил Корнда.

— Я думаю, — сказала Мэри, — что, если вы оба решили полагаться в прошлом Маурера, нам не останется ничего, как вернуться к Фресту и Фресту, и не шучу, — спокойно добавила она.

— Видно, ты считаешь, что Фрест — лет десять назад Маурер, пожалуй, не стал бы раздумывать, стрелять ему в полицейского или нет. Но Фресту, конечно, У него есть что сказать, и он может и победит на такой риск. Он хорошо знает, что в любом случае ему не отступать. Тут нам остается только нечего беспокоиться. Сидетьая — вот оно, ну конечно надо оберегать, если, конечно, ты не будешь.

— Ну теперь наша маленькая Мэри удивлена? — спросил Ван Рон, так как Фрест так удивился?

— Мы должны в первую очередь доказать, что Маурер был хорошо знаком с Диуну. И тогда, может быть, следует пойти в Тунни, проверить в том районе, где он живет, и в Маурера. Но я думаю, тебе полагается выяснить, что регулярно бывал у Диуну. Если нам повезет, среди нас посетителями Маурера и Маурера. Но не Маурера. Все и в любом случае на упоминание. Иначе мы сплутаем его.

— Ты помнишь, что следовало сделать Диуну Дэну? — спросил Корнда.

— Они работали целый день, и Корнда приехал домой лишь в десяти часа вечера. Корнда его вошел в гостиную, Диунин сидела в кресле и проговорила ему: «Лично тебе, Фресту, было холодно и отчужденно».

— Фрест, когда ты ходил на работу, она еще спала, и ему ухотелось будить ее и расспрашивать, тем более что она пришла только под утро. Но Корнда не решился на отступление. В тот же вечер Корнда был счастлив, что он знал уже наверняка.

— Корнда сэр, — сказал Ван Рон, — ты не хочешь, чтобы я делал?

— Да, конечно, — ответил Корнда.

— Тебе видны часы вчераше в Парадайз-клубе.

— Она на секунду настороженно застыла, но тут же оправилась и вкрадливо взглянула на него.
— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе. — Парадайз нашего дешеле.

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

III

— Ну как! — спросил Ван Рон, когда Диун вернулась из своего дома. — Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

— Ты же знаешь, что я не пишу в Парадайз-клубе, как и я, что холзин Парадайз-клуба — Диун Маурер. О чем ты думаешь, когда шла туда?

РУКЕ АРХИ

Л. РЕПИН

природа движется по кругу. Искусство — по прямой линии. Вся натуральная окружающая среда искусственно угловата. Человек, заблудившись в мире, сам того не сознавая, описывает круги, хотя горизонтальные, причисленные и прямоугольные комнаты и площадки, увидев его по прямой линии от него самого.

Эти строки были написаны О'Генри более шестидесяти лет назад, и, может быть, никому не удалось точнее выразить мысль о противопоставлении того, что создает человек в природе.

И, пожалуй, нигде это противопоставление не проявляется так ярко, как в городах — циклических сооружениях, воздвигнутых на Земле человеком. Градостроительство современного города затмивало величие древних египетских пирамид, которые столы веков были самыми крупными произведениями неведомых нам архитекторов.

Но ведь пирамиды не были вызовом природе. Это всего лишь памятники — могучие, впечатляющие сооружения. А города — с лабиринтом улиц и зданиями, заслоняющими солнечный свет, города, где из-за недостатка воздуха гибнет человек и где человек проводит время все свое время — они, эти города, неважно: для самого человека, стали дерзким, но, наверное, не слишком разумным вызовом природе.

Городы разрослись, неминуемо, по мере других — поменьше, приемы строительства и бетоном зевало, на историю перся ранняя трава и деревья. Потребовалось много времени, пока человек, люля, наконец все осмыслил своего положения, не стал лихорадочно изыскивать пути, которые вывели бы его к лону природы. Углубившись в прошлые веки описывали проекты таких городов, построенных среди лесов и полей, на островах, затерянных в океане. Но человечество не было готово к строительству этих «городов солнца», и они так и остались красивой сказкой.

Потом стали появляться проекты, в которых архитекторы искали всевозможности — хотя бы в деталях — выйти общий с природой язык. Это были оригинальные, но бесконечно наивные попытки.

В самом начале нашего века испанский архитектор Антони Гауди послал барберу Бартоломеу Педру Монтану Маса Мила — здания, которое можно назвать ошеломившим гимном природе. Вот уж был вызов всем существующим архитектурным канонам. Это здание построено в 1905—1910 годах. Его и сейчас называют как достоверность архитектура 1905-го года. Это был один из первых осуществленных проектов, наивный, если так можно сказать, ни в коем образе не выходящий за пределы рассматривая план третьего этажа этого здания, но так и не имея ни одной прямоугольной комнаты. Все, что угодно, — пятиугольные, даже шестигонные, но ни в одной из них не найти прямого угла. Дело в том, что Фрагас Маса Мила образован свободной извилистой линией, очень похожей на тот след, что остается на песке, когда волны, несущая пену, сбрасывают ее на берег и бегают обратно в море. Волны этого, как, впрочем, и некоторых других зданий, построенных Гауди, не просто волноны, а столбы деревьев, сгруппированные под разным напором ветра и сдува.

Кроны наклонных деревьев, переpleтаясь, образуют эзотерические арки и свода.

В те годы, когда работал Гауди, архитектура еще не путала от своего дерева молодого побоя биохимическую, превращающую впоследствии в крепкую ветвь. Задача — «изуглаивать» — если и брали что-то у природы, то лишь копируя внешнюю форму, которую можно было использовать как элемент оформления.

Биохимическую структуру считают составом молодой науки. Но это не так. Еще столетиями назад в природе существовали живые организмы, которые могли бы служить примером для архитекторов. Но биохимическая структура тогда не возникла из-за того, что это был не раз те времена, когда человек не наладился созданием не самым цивилизованным. И вовсе не собиравшись расставаться с гористой жизнью. С другой стороны биохимическая структура дала двадцатого века — требовала новых строительных материалов — армоцемента, высокопрочной стали, пластических масс, а они появились лишь в наше время. Французский садоник Жан Монье только в прошлом веке изобрел железобетон. Когда-то еще человек научился делать из него тонкие и прочные конструкции, покрытия и оболочки.

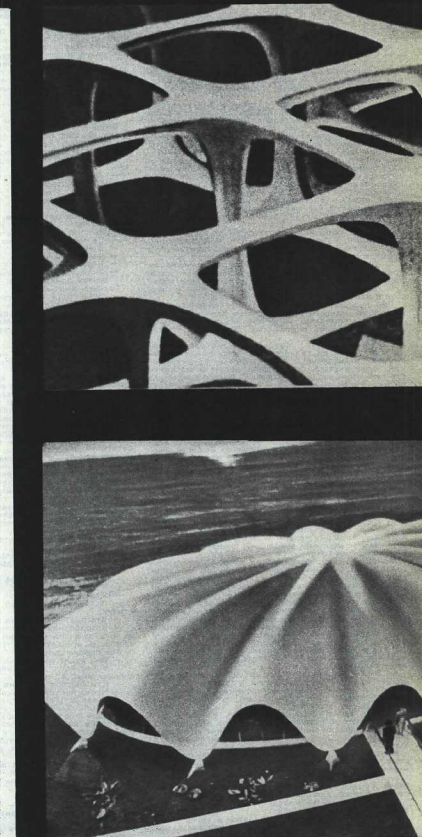
Наверное, не стоит ломать копья, отсылаясь основоположника этого архитектурного направления. Советский специалист по бетону А. И. Прохоров пишет, что первым изучать физику-механические свойства бетона начала еще в 1874 году С. Шенандер, а труды которого можно найти такую задачу: «Ресторан строит себе несомненно по тем же правилам, по которым инженеры строят здания». Жан Тимоньер в 1930 году сказал, что «связно на стелбах углымы на целый ряд поразительных факторов, доказывающих, что они построены по всем правилам строительного искусства». А несколько позже воспитанник ИВТУ С. В. Радовский изучая растения, как если бы перед ним были строительные колонны и балки, он испытывал стелбы на продольный изгиб, на кручение, на растяжение. Различие — он учился на биологическом факультете. Этот человек был одним из первых, кто обратил внимание на то, что растение в ответ на изменение нагрузки меняет свое строение. Вот оно, настало время биохимической архитектуры. Впрочем, они себя так не называли. Они остались прежними инженерами и архитекторами, но обогащенные опытом природы. То, мимо чего не задумываясь прошел бы архитектор двадцатого века, для эстетика нашего времени становится объектом своего пристального внимания.

Великий Корбюзье говорил не раз, что при строительстве своего знаменитого Чанди-Гарха — города в Пенджабе он использовал принцип, предложенный природой. В Чанди-Гархе нет привычных нам улиц. Есть единственная магистраль, отнесенная в сторону от жилых кварталов. Это главная артерия, от которой отходят вилы стелб великих «кровоносных сосудов» — аллеи и пешеходных дорожек.

Корбюзье заимствовал принцип, заимствованный в живых организмах. А сейчас все чаще стали появляться проекты, навеянные архитектурой природы: водонапорные башни в виде мощного чашки, поднимающего голову к солнцу эзотерические вышки — приоткрытые раковины, гигантские одиночные, напоминающие циклопический стелб ландшафта. Каждый из жилых «плафонов» этого ландшафта — отдельная квартира из двух, трех и четырех комнат, извиртара с идеальной звукоизоляцией. Близость естественных перегородок здесь нет. А внутри каждого стелба «ландшафта» — несомненно быстротечный лимфоток. Пока, правда, это здания остались на бумаге, о которых мы говорим выше, уже воплотились в стенах, стали и бетон.

Что же, можно, пожалуй, твердо сказать: то, что пошло за советом и примером, об этом не пожалел, даром время потрачено не было.

Время дальше, тем все больше вы-

У отечественного футбола, отметившего недавно свое 70-летие, зафиксировано множество рекордов и памятных дат. Хоккей в нашей стране тоже — ему всего 22 года. Но разве можно забывать статистику хоккейного спорта? У любителей хоккея немало любопытных достижений, а в биографиях команд, вратарей, защитников, нападающих, если покопаться поглубже, найдешь столько занимательного, что голова пойдет кругом. И об этом сейчас, в разгар нового хоккейного сезона, наш рассказ.

В. ПАХОМОВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ... НЕИЗВЕСТЕН

Сборная СССР одержала немало побед. 3 раз она выиграла первенство мира, 12 раз — первенство Европы, дважды — олимпийский турнир. Если учесть ее возраст, то именно она абсолютный чемпион последнего 15-летия.

И вот тут-то обнаруживается самое удивительное: никто толком не знает, когда сборная СССР появилась на свет. Известно лишь, что чемпионство ей у кого не вызывают сомнения: 29 января 1954 года, финский город Тампере, арктической нати со сборной Финляндии. Но когда сборную СССР создали? Когда она впервые вышла на лед? Все это спутано, туманно неизвестно.

Хоккеисты «старожины» хорошо помнят, как в декабре 1953 года эфимки столичного стадиона «Динамо» приглашали москвичей посмотреть первый тренировочный матч сборной СССР (играли два состава между собой). Но для спортивных обозревателей в то время это было, видимо, неинтересное событие, во всяком случае, им в одной газете, даке в «Советском спорте», за декабрь 1953 года об играх сборной СССР ни строки...

Молодые болельщики, наверное, с сомнением отнесутся к этим словам. Трудно сейчас поверить, что на всесоюзном году существования нашего хоккея у нас не было сборной. Между тем это так. На международном уровне молодой советский хоккей представляла сборная Москва, днем рождения которой считается 26 февраля 1943 года. В тот день москвичи на стадионе «Динамо» принимали французскую команду ЛТЦ на базе которой формировалась тогда олимпийская сборная Чехословакия (сборная столицей выступала нерегулярно — в сезоне 1946—1949 гг. она провела, например, одну игру, в 1951—1952 гг. — две, а в 1949—1950 гг. вообще ни одной). Всего же на ее счету было за 6 сезонов 27 выступлений).

За 15 сезонов сборная СССР (иногда в виду лишь основной состав) провела против основных составов сборных других стран 233 матча. Она выиграла 181 встречу, 15 матчей сыграла вничью и 27 матчей проиграла. Заброшено 1479 шайб и пропущено 439.

Обратите внимание на эти цифры. Наша сборная проводит ежегодно (на высшем уровне) около 20 матчей, и, значит, в этом сезоне нам предстоит

зафиксировать 250-ю игру сборной СССР. Не исключено, что юбилейный матч состоится за океаном, ибо в декабре чемпионы мира совершат турне по США и Канаде. Максимум будет и 260-я победа. Поскольку в прошлом сезоне в 20 матчах игроками сборной СССР было заброшено 138 шайб, то до юбилейного 1500-го гола осталось тоже совсем немного. Интересно, кто забросит юбилейную шайбу? 2004 год 1 марта 1938 года (игра со сборной Норвегии в Осло) забил Александр Черепанов, а 1000-й — 13 февраля 1953 года (матч со сборной ГАР в Вейксайере) — Александр Алметов.

Ноль, скорее нас заговорили о голах, то, ничего не помышляя, обратил внимание и на другое: вратарь сборной СССР в этом сезоне пропустит 450-ю шайбу.

Теперь о наиболее отминившихся хоккеистах. Больше всего матчей провел В. Александров — 157 (его дебют состоялся 3 декабря 1956 года против сборной Польши).

127 раз за сборную СССР выступал В. Якушев (50 шайб). По 108 матчей провели В. Макаров и В. Старшинов. Но у них далеко не одинаковая сумма заброшенных шайб — у В. Старшинова — 114. Это лучший результат в сборной СССР (В. Александров, возглавлявший после ухода В. Воброва список бомбардиров сборной, в минувшем сезоне уступил пальму первенства — он забил за все время на три гола меньше, чем В. Старшинов). Зато в матчах на первенство мира и Европы по-прежнему аврары В. Александров — 68 шайб.

Среди защитников нынешнего состава сборной чаще других выступал А. Рагулин — 118 матчей. Чуть меньше сыграл В. Давыдов — 113, 78 игр в составе сборной провел вратарь В. Новомолово.

Из нового поколения сборной первый юбилей отметит Е. Погупанов — 50 матчей. У В. Вилунова самое недавнее будущее — он выступал за команду 43 раза. Видно, еще неформально отличится третий хоккеист полузнаменитой тройки — А. Фирсов. В этом сезоне в рядке сборной ему предстоит сыграть 100-й матч (пока что 83) и забросить 100-ю шайбу (сейчас 75). Реально ли это? Исходя из прошлых лет результаты А. Фирсова: 18 матчей за сборную — 24 шайбы. Так что армейец недалеко от отметки «100».

Рекорд-379. Кто больше?

В прошлом году еженедельный «Футбол-хоккей» основал на своих страницах клубок имени Г. И. Федосеева. Это чемпионский стадион футбольных нападающих, забившие в первенствах страны более 100 голов. Если попросить клубок откликнуться в ответ, то в его рядке сразу выступит... 85 нападающих.

Как же выглядит достяка лучшею?

1. Гурьянов — 379 шайб (записочка выступления).
2. В. Александров — 333 шайбы.
3. В. Гребенников — 277 шайб (записочка выступления).
4. В. Старшинов — 269 шайб.
5. В. Вобров — 243 шайбы (записочка выступления).

6. В. Макаров — 235 шайб.
7. Ю. Парамонин — 233 шайбы.
8. В. Шувалов — 220 шайб (записочка выступления).
9. А. Фирсов — 317 шайб.
10. В. Старшинов — 216 шайб.
- А вот кто входит во вторую десятку: 11. Е. Прохоров — 216 шайб.
12. А. Алметов — 211, 14. М. Бычков — 203, 15. В. Киселев — 199, 16. А. Умаров — 188, 17. С. Шкетновский — 187, 18. В. Вельяминов — 183, 19. С. Корольков — 179, 20. В. Юрченко — 178 шайб (все шайбы приходится считать в нескольких чемпионатах).

Феноменальнее результат А. Гурьянова — 379 шайб. Он уже на выступил семь лет, но никто не смог прибли-

зиться к его позаватарам. Любопытно, что А. Гурьянов еще участником 14 чемпионатов в В. Александров по числу голубцов в 15-м сезоне.

Нельзя ли поразиться и результату В. Воброва. Ничто из числа лучших бомбардиров не провело так мало международных матчей. Однако лишь в минувшем сезоне В. Старшинов, не впадаящий ни в коем случае ни в трижды сменивший В. Воброва. Значительно чаще В. Воброва играл и В. Гребенников. А. А. Гурьянов и В. Александров по числу проведенных матчей вообще не идут ни в какое сравнение с В. Вобровым.

Уором динамичнее бомбардиром следует результат А. Умарова. Этот хоккеист не выступит уже 8 лет, но

НАША СПРАВОЧНИК

Команда начинается с вратаря

Нашему хоккею исполнилось 22 года. Имена лучших вратарей — выдающихся Воробова, Старшинова, Лотцева, Фирсова, защитников — Селегуба, Трушкова, Рагулина, Давыдова, Иваново хорошо известны во всех странах, где увлекаются хоккеем. Все эти хоккеисты в свое время были признаны Международной лигой хоккея на льду лучшими игроками чемпионатов мира.

На стражей ворот, конечно, наибольшую популярность завоевали те, кто играл за сборную СССР. Отличился Николай Пучков. В 1959 году его признали по итогам чемпионата мира лучшим вратарем. Н. Пучков

82 раза играл в воротах сборной СССР. Его дебют состоялся 28 января 1954 года, а в последний раз он выступил в феврале 1953 года. В сезоне 1960—1961 гг. у прославленного вратаря был вынужденный перерыв. Отправлялся на первенство мира, тренеры сборной предпочли вместо

Н. Пучкова (ему тогда шел 31-й год) взять 25-летнего В. Коноваленко и 26-летнего В. Чинцова. Невозможна игра обоим молодым вратарям была тогда из-за причин, мучащих наших сборную команду.

Вле В. Коноваленко неудачным оказался лишь чемпионат мира 1961 года. На остальных международных

турнирах горьковчанин был на высоте положения. Он шестикратный чемпион мира и Европы, двукратный олимпийский чемпион. Но вот с признанием его лучшим вратарем Международной лиги хоккея на льду не спешит. На счету В. Коноваленко 78 матчей за сборную СССР.

В дальнейшем Вячеслав Воробов вместе с Н. Пучковым вратарем сборной СССР озорили еще один армяк — Г. Мертвяк. За три сезона (1954—1956 гг.) он провёл 167 игр.

В четырех чемпионатах мира в Европы (1957—1960 гг.) участвовал Евгений Ерохин из команды «Крылья Советов». Но он был дубли-

ром Н. Пучкова и в ряде турниров стоял в воротах лишь 4 раза. Кудачи, Е. Ерохин играл за сборную СССР в товарищеских матчах — 17 раз.

Давиды чемпионом мира в Европе возвращались домой московский динамовец Борис Забейка за сборную СССР — 8 игр, в том числе 2 товарищеских.

Возвращаясь, кто земляки из «Спартак» — чемпионы мира в Европы 1965—1968 гг. Вратаря Эмигера уже насчитывается 31 игра за сборную СССР.

О. В. Чинцов мы уже упоминали. Он играл в сборной 10 раз. По одному матчу в разное время провели А. Осмоловский, Ан. Рагулин, А. Пашков.

О новичках и ветеранах

Самая молодая команда в первой группе класса «А» — «Динамо» (Киев). Она впервые появилась в высшей лиге зимой 1962—1964 гг. «Сибирь», на первый взгляд, на год старше — прежде в турнирных таблицах не было команды с таким названием. Но «Сибирь» это бывшее Новосибирское «Динамо»: динамовцы Новосибирска шесть лет назад в полном составе перешли в профессиональный спорт.

Росевсинки хоккея — ЦСКА московское и столичный «Спартак». Но лишь два коллектива ЦСКА и «Динамо» выступали во всех двадцати двух чемпионатах. Правда, динамовцы в 1961 году не участвовали в борьбе за золотые медали: по результатам предварительных игр они попали в турнир за 7—12-е места.

Спартаковцы на протяжении пер-

вых семи турниров (1947—1953 гг.) были неизменно участниками соревнований, но летом 1953 года руководители области «Спартак» расформировали свою хоккейную команду. Она была восстановлена после годичного перерыва. Но, по классу «В», команды «Крылья Советов» и «Трактор» постоянно выступают в расширитель первенства страны, вытесняя со второго чемпионата. Разница лишь в том, что москвичи неизменно в число коллективов, оступающих золотые медали, а вот уральцы не раз играли во второй группе. Предстоящий чемпионат будет по счету 22-м и для армянок Ленинграда. Они были участниками первого первенства СССР, но затем являлись годичный «гастаут». В 1948—1950 гг. земляки армячки выступали во второй группе.

Рекордмены-однолюбы

Бомбардиром сборной уже представляемы. А кто отличился в клубе?

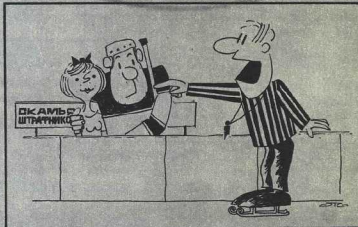
ЦСКА — В. Александров (333 шайбы).
«Спартак» — В. Старшинов (269 шайб).
СКА (Ленинград) — В. Панфилов (198 шайб).
«Киев» (Воскресенье) — Ю. Морозов (147 шайб).
СКА (Донецк) — В. Чинцов (129 шайб).
«Крылья Советов» — А. Гурмыч (379 шайб).
«Динамо» (Минск) — И. Тушин (30 шайб).
«Сибирь» (Новосибирск) — В. Мицков (133 шайбы).
«Хатловинск» (Свердловск) — В. Печенин (96 шайб).
«Трактор» (Челябинск) — В. Карадин (102 шайбы).

Почти все рекордсмены клубов — «однолюбцы». Свою жизнь в хоккее они навсегда связали с одной командой. В «Крылья Советов», в Панфилов, И. Тушин и В. Карадин. В Панфилов начал играть в хоккей за «Крылья Советов». В рядах этой команды он забросил всего 4 шайбы, после чего его пригласили в Советскую Армию. В составе СКА он забил уже 91 гол. И, видимо, в этом недалеком будущем забросит 100-ю шайбу. И. Тушин тоже лет назад перешел в киевское «Динамо» из московского, где на счету молодого нападающего был всего один гол. К нему он прибавил еще 50.

В. Карадин, забросил в составе «Трактор» 102 шайбы, ушел в команду «Салават Юлаев» (Уфа), где забил еще 9 голов.

В. Юрканову, не говоря о других нападающих «Динамо», чтобы повторить удивительный рекорд, нужно забросить 22 шайбы!

У некоторых хоккеистов утраты шайбы, заброшенные во второй группе. Именно утверждать, что во второй группе голы забивать легче. Возьмем, например, такого своеобразного хоккеиста, как С. Шаталов (он выступает за минское «Торпедо», а несколько раньше играл за парижский «Монпар». Ему совершенно безразлично, где забивать голы. В 1967 году мячиные выждал последние место в первой группе, но их лидер забросил 25 шайб — один из лучших результатов в сезоне!

Вы умеете читать?

Рисунок О. ТЕСПЕРА

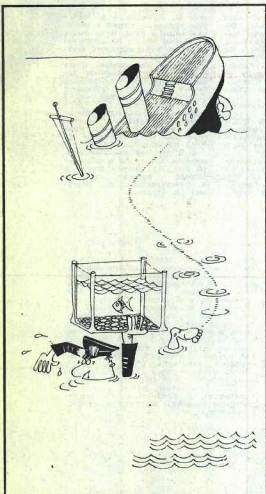

Рисунок В. АРСЕНЬЕВА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

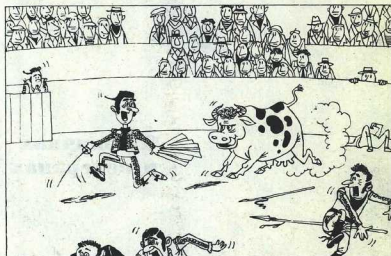
Дорогие
читатели!
Напоминаем
вам,
что
подписка
на журнал
«Смена»
на 1969 год
принимается
без
ограничений

Журнал выходит
дважды в месяц.
Подписная цена
на год —
4 руб. 80 коп.

5
НА ДВА
МЕСЯЦА
В ЛЕТЕ

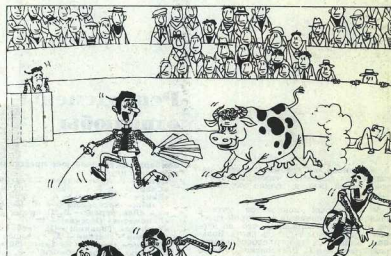
3	6	4	2	5	1	7	4
7	9	1	8	3	2	5	3
6	8	3	4	5	6	1	7
9	1	2	7	1	8	4	3
2	5	3	6	9	7	5	8
1	3	4	1	8	9	6	2
4	9	5	2	5	3	9	4
8	6	7	1	9	2	5	7

Присмотритесь к шахматной доске, заполненной цифрами, после чего попробуйте поочередно добавлять на память одну цифру на белом поле, одну — на черном, снова цифру на белом и снова цифру на черном и т. д. (например: 3 + 4 = 7, 6 + 2 = 8 и так далее до самого последнего поля доски).
Если вам удастся дойти до последних цифр и получить правильные итоговые суммы, значит, у вас действительно хорошая память.

Найдите десять различий между этими рисунками.

Рисунок В. БЛАНКМАНА

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

[«Смена» № 19]

1. 5, 8, 8, 7, 6, 9, 5, 8, 7, 6, 8, 9, 8, 5

2. 35 квадратов разной волнистости.

Первая страница обложки: Владимир ВАСИЛЬЕВ в роли Спартака. О том, как создавался в Большом театре балет «Спартак», читайте на стр. 20—22.

Фото Е. УМНОВА.

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редколлегия: А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулушов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Самарин, А. Б. Стуков (главный художник).

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный провзд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: 253-30-87; отделы: литературы и искусства — 251-32-84; очерков и публицистики — 251-03-51; международной жизни — 253-31-60; физкультуры и спорта — 253-31-50; писем — 253-30-47; науки и техники — 251-04-10; фотоискусства и репортажа — 253-30-87; информация — 253-31-03; оформления — 250-29-38.

Художник-оформитель О. Теслер. Технический редактор М. Шалвава.

А 00190. Сдано в набор 23/IX 1968 г. Подписано и печатано 14/Х 1968 г. Формат: бумаги 70 × 108¹/₂. Усл. печат. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,65. Тираж 1 100 000. Изд. № 2014. Заказ № 2971.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Музыка
Павла АЕДОНИЦКОГО
Слова
Игоря ШАФЕРАНА

Мне дарила Россия просторы полей,
Величавость лесов и озерную синь,
Я ее до травинки считаю своей,
А иначе какой же я был бы ей сын!

И суровой и доброй Россия была.
Сколько нас у нее, а Россия одна.

Но на всех ей хватило большого тепла,
А иначе откуда бы в сердце она!

Ничего я, Россия, тебе не скажу,
Будет время еще для торжественных слов,

А любовь я делаю тебе докажу,
А иначе какая же это любовь!

В большой теллатой

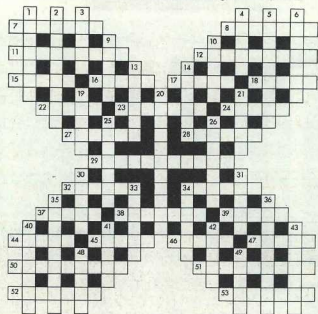
МНЕ ДАРИЛА РОССИЯ

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

- Творческое соревнование.
- Советский композитор.
- Кинорежиссер, постановщик фильма «Верные друзья».
- Русский композитор.
- Украинский танец.
- Пьеса Билли-Вейлмерского.
- Спортивный снаряд.
- Юноно создатель.
- Сильный ветер.
- Один из первых героев Советского Союза.
- Цитрусовое дерево.
- Растение семейства гвоздичных.
- Овощ.
- Русский поэт XIX века.
- Пьеса А. М. Горького.
- Роман О. Гончара.
- Крупное газовое месторождение в Узбекистане.
- Писанка, педагог, руководитель музыкального педагогического института в Москве.
- Торжественный свисток войск.
- Малая планета.
- Графиня, народный художник СССР.
- Город на юге Ирана.
- Автор книги «Малджитовая шкатулка».
- Основная мелодия, тема в опере, балете.
- Русский ученый-эпизопадист.
- Промышленное предприятие.
- Скульптор, лауреат Ленинской премии.

Составил Ф. БЛИНОВ, д. Соколово, Костромской области

По вертикали:

- Советский ботаник, академик, Герой Социалистического Труда.
- Драгоценный камень.
- Химический элемент, газ.
- Помещение для стоянки и ремонта автомобилей.
- Автор слов песни «Батари коммунистических бригад».
- Автор романа «На диком бреге».
- Черноморский курорт.
- Воздухоплавание, энтузизм.
- Марковский артистка СССР, инновентриса.
- Поэма В. Маяковского.
- Немецкий композитор XIX века.
- Областной центр в Казахстане.
- Рема в Африке.
- Часть математики.
- Герой гражданской войны.
- Гостиница.
- Обширное водное пространство.
- Губоная речная долина.
- Спортивная игра.
- Нотная запись музыкального произведения.
- Полозные пещеры в заброшенных каменоломнях.
- Краткое изложение научной работы.
- Роман И. С. Тургенева.
- Музыкальный инструмент народов Сирийской Азии.
- Масличное растение.
- Песная птица.
- Стихотворный размер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ в № 20

По горизонтали:

- Мандарино.
- Паниратов.
- Морозов.
- Мамай.
- Победан.
- Сверис.
- Фрадкин.
- Донбасс.
- Дилант.
- Ливант.
- Стрелом.
- Людмила.
- Родыгин.
- Дьянов.
- Крамев.
- Лазор.
- Геологик.
- Танда.
- Парижанка.
- Дружинина.

По вертикали:

- Мамедова.
- Давиденко.
- Знамя.
- Анива.
- Барабинск.
- Иорданск.
- Плывада.
- Краснодон.
- Ильинский.
- Иосиф.
- Алев.
- Турчинина.
- Колышлов.
- Альманка.
- Сысолов.
- Глоздина.
- Огонь.
- Тимур.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Интерес к графике появился у Владимира Афонина в школьные годы, когда он начал заниматься в студии самодельных художников при «Трехгорке». Пристрастия своих учеников к рисованию замечательный художник, друг Сарьяна, современник Малковского, хорошо знакомый с поэтом, Леон Павлович Литкар. Сейчас Владимир Афонин заказывает в Московском полиграфическом институте фолыулет графики. Но ощущение предмета живописи, цвета, поиск темы не могли бы стать конкретными, точными, если бы молодой график, вооружившись знаниями, времени не сушила в жизнь.

Три года работы на Кольском полуострове. Потом Якутия, Карпаты. И, конечно, родная Москва. У Владимира Афонина серьезные планы на будущее, поездки по стране. Так что продолжение следует...

Черновцы.

Перевал Немчиц в Карпатах.

Каменец-Подольская крепость. XIII век.

Диктинец

